

АЛЕКСЕЙ КАЛУГИН

Снежная слепота. Игра в реальность

ЭКСМО

Алексей Калугин
Снежная слепота

«ЭКСМО»

2001

Калугин А. А.

Снежная слепота / А. А. Калугин — «Эксмо», 2001

Чужой, враждебный, холодный мир... Дикий мороз и бескрайняя снежная пустыня... Однако и здесь есть люди. Странные, запуганные, потерявшие память. Любой, кто агрессивен, напорист и жесток, запросто может стать вожаком в этом лишенном воли человеческом стаде и с молчаливого согласия остальных завладеть лучшим жилищем, самой вкусной едой, самыми красивыми женщинами. Так и было в этом мире, пока в нем не появился Харп, сумевший протащить с собой не только обрывки воспоминаний, но и смелость и решительность. Ему недостаточно просто выжить, он хочет во что бы то ни стало разгадать тайну ледяной планеты.

© Калугин А. А., 2001

© Эксмо, 2001

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	37
Глава 6	46
Глава 7	56
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Алексей Калугин

Снежная слепота

- Что такое жизнь?
- Ты меня об этом спрашиваешь?
- Можно подумать, здесь есть кто-то еще.
- Ты не хуже меня знаешь ответ.
- Мне любопытно, что именно ты думаешь по этому поводу.
- Тебе это тоже известно.
- И все же...
- Это очень скучно, брат.

Из разговора двух мертвецов

Глава 1

Вокруг, куда ни кинь взгляд, простиралась бескрайняя белая пустыня. И только на западе, у самого горизонта, присмотревшись, можно было заметить невысокую горную гряду, похожую на становой хребет какого-то заледеневшего монстра.

День выдался погожий, во всяком случае, в первой своей трети. На небе не было ни облачка, и лучи маленького желто-коричневого солнца, скользя по ровному снежному покрывалу, вспыхивали на его поверхности мириадами ослепительно ярких искорок. Выглядело все это сказочно красиво. Но любоваться волшебным блеском крошечных льдинок мог лишь человек, незнакомый с коварством снегов. Бедолагу, не позаботившегося о том, чтобы в ясный солнечный день защитить глаза, ожидало болезненное и долго не проходящее воспаление роговицы, или, говоря иначе, снежная слепота.

Марсал был давно уже не новичок. По календарю старого Бисауна он прожил в здешних краях год и семь пятидневок. Дольше, если не считать самого Бисауна, протянул только Татаун. Но полгода назад Татаун отправился собирать красницу, да так и сгинул без следа. Поскольку в то время «снежных волков» поблизости не было, старый Бисаун пришел к выводу, что Татаун либо по неосторожности заблудился в ходах, прорытых снежными червями, либо намеренно отправился в один из новых лазов, рассчитывая добыть немного свежего мяса из тех запасов, что делает снежный червь, замуровывая недоеденную добычу в стены своего ледяного логова. Если так, то Татаун сам превратился в обед. И хорошо еще, если червь съел его сразу, а не оставил про запас. Прежде чем зарыть свою добычу в ледяную стенку, снежный червь покрывает ее липкой слизью, которая защищает еще живое существо от резкого переохлаждения. Сам Татаун говорил, что жертва, покрытая слизью и замурованная, может оставаться живой в течение пятидневки, а то и дольше, и лишь толстая корка льда, сковывающая тело, не позволяет ей вырваться на свободу.

Осмотрев окрестности через узкую щелку, прорезанную в полоске черного пластика, и не заметив поблизости ни одного выхода из лаза снежного червя, Марсал надвинул на глаза старенькие солнцезащитные очки с треснутым левым стеклом и, поправив на плечах лямки полупустого мешка, зашагал дальше, по направлению к берегу Замерзшего моря, оставляя за собой большие узорчатые следы плетеных снегоступов.

Обычно для того, чтобы обнаружить лаз снежного червя, достаточно было отойти всего на пару километров от хибары старого Бисауна. Но сегодня Марсал шел уже около получаса и все еще не встретил ни одного выхода. Ночью температура не опускалась ниже семидесяти градусов, следовательно, червям не было нужды зарываться глубоко в снег. Выходит, Марсалу сегодня просто чертовски не везло.

Марсал не любил, когда день начинался неудачно. Татаун в бытность свою говаривал: «Если в первую треть дня промочишь ноги, к исходу третьей непременно останешься без пальцев». И в этом Марсал был с ним согласен.

Когда Марсал вышел из хибары, на улице, если верить показаниям спиртового термометра старого Бисауна, было тридцать два градуса мороза. Однако, разгоряченный быстрой ходьбой, он не чувствовал холода и даже скинул капюшон старенькой, изрядно поношенной дохи на искусственном меху. На голове у него осталась только круглая шапка тоже из искусственного меха с широкими опущенными отворотами и двумя клапанами на липучках, прикрывающими нижнюю часть лица. Холода Марсал не боялся. В отличие от многих новичков, он с первого же дня, как оказался в снегах, мог определить, когда необходимо начать интенсивно согревать ту или иную часть тела, чтобы не получить обморожения.

Повернув на юго-восток, к берегу Замерзшего моря, где черви встречались чаще, Марсал решил, что сделает еще двести шагов и, если не обнаружит выход из лаза, повернет назад. Искушать судьбу без надобности мог лишь полный болван, к каковым Марсал себя не причислял. «Снежных волков» пока не стоило опасаться – они появлялись не раньше середины второй трети дня. Но зато, двигаясь по свежесвыпавшему снегу, не успевшему покрыться прочной коркой наста, можно запросто угодить в ловушку снежного червя. В конце концов, день можно жить и без красницы, если, конечно, не обращать внимания на нудный бубнеж старого Бисауна, который снова начнет твердить о том, что они не обновляли закваску более года и она уже не является полноценной пищей.

А чья, спрашивается, в том вина?.. Если бы они успели подобрать хоть одного новичка, прежде чем до него доберутся «снежные волки», то была бы у них и свежая закваска, и новая доха, и снегоступы новые, и много чего еще было бы... Было бы... Если бы ему, Марсалу, не приходилось сутки напролет носиться по снегу, выискивая пищу для старика и двух женщин, то он уж непременно исхитрился бы перехватить у «снежных волков» новичка. Марсал даже знал, что нужно для этого сделать: одеться потеплее да засесть на крыше хибары, высматривая, не блеснет ли где на снегу вспышка, извещающая о прибытии. А затем, надев на ноги снегоступы, бежать скорее к тому месту. Только так и можно опередить «снежных волков», у которых, как доподлинно известно Марсалу, действует система постоянного слежения за прибытием новичков. Да и снегоступы у них новенькие, не то что у Марсала: сколько ни отремонтируй это старье, все равно прутья торчат во все стороны...

Пройдя намеченное расстояние, Марсал остановился, сдвинул солнцезащитные очки на лоб и, приложив к глазам полоску пластика с прорезью, посмотрел вокруг. На этот раз удача улыбнулась ему – метрах в ста от себя он увидел выход из лаза снежного червя.

Для того чтобы заметить такой выход, требовался наметанный глаз. Марсал немало походил в паре с Татауном, прежде чем научился сам определять, где снег просто наметен ветром, а где он лег валом, выброшенный снежным червем.

Однако обнаружить лаз – только половина дела. Надо еще и подойти к нему с правильной стороны, чтобы самому не оказаться в западне. Если провалишься, не успев закрепить наверху веревку, то без посторонней помощи на поверхность уже не выбраться. Марсал, правда, слышал от Татауна историю о том, как кому-то удалось сделать это, вырубив ножом во льду ступени. Но похоже было, что и сам Татаун в нее не очень-то верил. Чтобы ножом рубить ступени, нужна надежная точка опоры. А на что можно опереться в ледяной трубе, почти отвесно уходящей вниз на десять, а то и пятнадцать метров?

Пройдя половину пути до выхода из лаза снежного червя, Марсал выдернул из-за спины тонкий стальной прут – единственное добротное оружие, которое им с Бисауном до сих пор удавалось утаить от «снежных волков». Теперь он двигался вперед медленно и осторожно, то и дело останавливаясь и проверяя концом прута плотность снежного покрова. Когда ему

казалось, что снег под ногами становится более плотным, Марсал делал три-четыре шага в сторону, после чего вновь продолжал двигаться в намеченном направлении.

Наконец ему удалось нащупать концом прута край воронки, которую пробил снежный червь для того, чтобы, выглянув на поверхность, глотнуть свежего воздуха.

Татаун, учивший Марсала выслеживать снежных червей, говорил, что одного вдоха червю хватает, чтобы на двадцать–двадцать пять минут уйти под плотный слой слежавшегося снега. А когда начинается метель, червь кольцом сворачивается под снегом и может пролежать так, в полной неподвижности, затаив дыхание, около часа. В этом состоянии, если опять-таки верить словам Татауна, снежный червь не реагирует даже на появление в своем логове чужака. Впрочем, что бы там ни рассказывал Татаун, сам он был не настолько глуп, чтобы попытаться проверить это на собственном опыте. Он, случалось, заговаривал об охоте на снежного червя, утверждая, что двое взрослых мужчин, используя необходимое оружие и инструменты, если повезет, имеют шанс справиться с небольшим снежным червем. Но теперь, после того, как Татаун пропал, об этом можно забыть. Тем более что в последний свой налет на хибару старого Бисауна «снежные волки» отыскивали тайник Татауна и забрали спрятанные в нем крючья, два больших тесака и, что самое главное, бухту тонкого, чрезвычайно прочного стального провода в пластиковой оплетке, что позволяло пользоваться им на холоде без перчаток, не боясь обморозить руки.

Сняв снегоступы, Марсал лег на живот и, протянув вперед руку с прутом, начал прощупывать снег. Вскоре он нашел уплотнение, которое непременно образуется на краю выхода, когда снежный червь высовывает из лаза головную часть своего огромного туловища, чтобы сделать глоток воздуха. Упершись руками, Марсал переместился вперед еще на полметра и снова ткнул прутом. Теперь стальной прут легко, не встретив никакого сопротивления, ушел под снег. Марсал подвигал прутом из стороны в сторону, и все, что намело за ночь поверх входа в лаз, осыпалось вниз. Марсал сел на краю воронки, свесив ноги, и скинул со спины мешок. Теперь ему нужны были не плетеные снегоступы, а металлические кошки, без которых нечего и соваться в лаз снежного червя. Во время движения червь не разрывал снег, а плотно утрамбовывал его. При этом снег еще и частично плавился, после чего внутренние поверхности лаза покрывались толстой коркой блестящего словно стекло, но несравнимо более прочного льда.

Привязав к ногам металлические скобы с выступающими шипами, Марсал вбил в обледеневший вал на краю воронки пластиковый кольшечек с веревкой, по всей длине которой через каждые двадцать сантиметров были завязаны узлы. Дернув пару раз, чтобы убедиться, что кольшечек не выскочит, Марсал бросил конец веревки вниз, накинул на плечи опустевший мешок и, упираясь закрепленными на ногах кошками в гладкую ледяную стенку, начал спускаться вниз.

Татаун, обучая Марсала, постоянно твердил, что, когда имеешь дело со снежным червем, главное – не торопиться: стоит упустить хотя бы одну на первый взгляд кажущуюся совершенно незначительной деталь, и это может обернуться трагедией. Спускаясь в лаз снежного червя, следовало обращать внимание на все: на глубину этого лаза, на звуки в нем, на цвет и структуру льда и даже на запахи. Каждый из перечисленных признаков, если верно его истолковать, помогает определить, как далеко от выхода, которым ты решил воспользоваться, находится сейчас червь.

Глубина лаза, куда спускался Марсал, составляла около десяти метров. На дне его царил серый полумрак. После яркого света наверху требовалось какое-то время, чтобы глаза адаптировались к сумеречному освещению.

Стянув с левой руки перчатку, Марсал провел кончиками пальцев по стенке лаза. Судя по тому, что лед был покрыт частой сеткой тончайших трещинок, ход прорыли как минимум дня два назад. А то, что Марсал, принявшись, не почувствовал характерного запаха, присущего снежному червю, свидетельствовало о том, что с тех пор он здесь больше не появлялся. С

одной стороны, это гарантировало безопасность, с другой – если снежный червь покинул свой лаз, значит, в его ледяных стенках уже не осталось никаких припасов. Однако Марсал пришел сюда не для того, чтобы воровать у червя обедки, а чтобы собрать немного красницы.

Лаз тянулся в двух противоположных направлениях. В принципе, Марсалу было совершенно безразлично, в какую сторону идти. Червя поблизости не было, а значит, единственной опасностью, которая ему угрожала, была возможность заблудиться в лабиринте ходов, если они начнут раздваиваться, пересекаясь с ходами, прорытыми другими червями.

Марсал пошел налево. Просто потому, что туда указывал конец упавшей на ледяной пол веревки.

Лаз имел почти круглое сечение. Червь, прорывший его, отличался изрядными размерами: идя по центру прохода, не нужно было даже голову пригибать. При каждом шаге Марсал старательно ступал на носок, вгоняя шипы кошек в гладкую, словно отполированную поверхность льда.

Чем дальше от выхода отходил Марсал, тем темнее становилось в лазе. Когда темнота сгустилась настолько, что стены стали едва различимы, Марсал достал из внутреннего кармана дохи светящийся цилиндр. Это был еще один из тех драгоценных предметов, без которых выжить в мире вечных снегов невозможно. Каждый раз, возвращаясь в хибару, Марсал прятал светящийся цилиндр, кошки, стальной прут и небольшой охотничий нож в тайнике, который «снежным волкам» пока еще не удалось отыскать.

Ударив пару раз светящимся цилиндром о ладонь, Марсал поднял его над головой. Стены лаза озарились странным, чуть зеленоватым, холодным светом, отблески которого скользили по гладкой ледяной поверхности, преломляясь в небольших трещинах, дробясь и рассыпаясь сотнями искр на полу в тех местах, где Марсал оставил глубокие выбоины. Природу этого удивительного света не мог объяснить никто, даже старый Бисаун, знавший, как полагал Марсал, все на свете, за исключением того, чего не знал никто. Это была одна из тех загадок, про которые Бисаун говорил, что о них лучше и не думать, поскольку скорее сойдешь с ума, чем придешь хотя бы к самому общему пониманию происхождения подобных вещей. Помимо светящихся цилиндров, старый Бисаун относил к тайнам, недоступным человеческому разуму, также принцип работы теплогенератора, который имелся в каждой хибаре, и то, откуда в снегах появляются новички.

Держа светящийся цилиндр над головой, Марсал не спеша двигался вдоль прохода, внимательно всматриваясь в толщу ледяных стен. Один раз ему показалось, что он видит какое-то инородное вкрапление во льду, но, когда он ковырнул подозрительное место ножом, оказалось, что это всего лишь вмерзший пузырек воздуха. Марсал не испытал разочарования. Он знал, что в мире вечных снегов ничего нельзя планировать заранее. На все здесь воля слепого и зачастую безысходного случая. Если ему сегодня повезет, он найдет красницу. Хотя с такой же степенью вероятности может произойти подвижка континентальных льдов, и тогда он окажется заживо погребен под многими тоннами снега и льда. Если думать об этом, лучше и вовсе не спускаться в лаз снежного червя – сидеть себе в хибаре у теплогенератора и жевать расплывающиеся в руках лепешки из кислой, перебродившей закваски.

Марсал не был героем. Он просто жил в этом мире и не помнил другой жизни. Хотя она, несомненно, была. Так говорил старый Бисаун. Об этом же без конца твердил и Татаун, когда еще был жив. Да и сам Марсал прекрасно понимал, что люди не появляются на свет тридцатилетними. Но где он жил до того, как оказался в мире вечных снегов, как и почему вдруг случилось, что он очутился здесь, Марсал не помнил. Так же, как не мог ничего сказать об этом и никто другой из тех, с кем ему доводилось беседовать. Большинство же обитателей мира вечных снегов и вовсе не любили разговоров о прошлой жизни, считая их пустой и совершенно бессмысленной болтовней. Какая разница, что было прежде, если сейчас все они находятся здесь и вынуждены ежедневно бороться за выживание.

Марсал прошел не меньше километра по лазу снежного червя. Временами он останавливался и внимательно прислушивался, не слышно ли негромкого потрескивания, предвещающего возможную подвижку континентальных льдов. Однако все было спокойно, и он продолжал уверенно двигаться вперед. Тем более что на пути ему не встретилось ни одного разветвления ходов, а значит, не было опасности заблудиться.

Примерно через каждую сотню метров Марсалу приходилось ударять светящимся цилиндром о ладонь, чтобы свечение его сделалось ярче. После того как Марсал в очередной раз подзарядил цилиндр и его призрачный зеленоватый свет озарил своды ледяной пещеры, человек увидел то, что искал: под коркой льда отчетливо различались грозди ярко-красных ягод размером с ноготь большого пальца каждая.

Положив светящийся цилиндр на пол, Марсал ухватил обеими руками нож и принялся долбить лед. Вскоре его усилия увенчались успехом. Поставив у ног открытый мешок, он стал бросать в него куски льда с вмерзшими гроздьями красницы. Ягоды сидели на тонких, но чрезвычайно прочных бесцветных нитях. Иногда, когда нитей было слишком много, Марсалу не удавалось их оборвать, и тогда приходилось рубить ножом.

Все, кого знал Марсал, называли красницу ягодами, и только один старый Бисаун упорно и упрямо продолжал твердить, что это вовсе не растение, а насекомые, живущие большими колониями и питающиеся отходами жизнедеятельности снежных червей. Именно поэтому спелую красницу можно было отыскать только в лазах, покинутых снежным червем не более пяти дней назад. Когда червя поблизости не было и насекомым нечем было питаться, красница впадала в состояние анабиоза, превращаясь из спелых, налитых соком «ягод» в сухие, сморщенные, совершенно непригодные в пищу комочки.

На этот раз Марсалу повезло – он нашел большое скопление спелой красницы. Набивая вмерзшими в лед ягодами мешок, Марсал настолько явственно представлял себе кисловатый, немного терпкий вкус красницы на языке, что ему то и дело приходилось сглатывать слюну. Он слышал, что «снежные волки» давили ягоды, добавляли в нее закваску и оставляли стоять возле теплогенератора, в результате чего настой начинал бродить и через неделю превращался в слабоспиртовой напиток. Но в хибаре старого Бисауна из красницы варили только компот да еще для вкуса добавляли в лепешки и кашу из закваски.

Марсал набрал уже почти полный мешок красницы, когда неожиданно над головой у него что-то тяжело ухнуло. Марсал непроизвольно втянул голову в плечи, хотя и понимал, что, если своды лаза обрушатся, у него в любом случае не будет ни малейшего шанса остаться в живых. Ледяная корка, покрывающая стены, выдержала удар, зато метрах в ста от того места, где находился Марсал, сверху посыпался снег – сам собой открылся еще один выход из лаза, – и Марсал успел заметить, как по стенкам уходящей вверх ледяной трубы скользнул розоватый отсвет. Ошибки быть не могло: где-то совсем неподалеку объявился новичок.

Забыв о мешке с красницей, Марсал кинулся к выходу.

Остановившись под отверстием, он запрокинул голову и посмотрел вверх. Глубина лаза в этом месте была всего около пяти метров, и, если повезет, брошенный крюк мог зацепиться за ледяную корку на краю выходного отверстия.

Бегом вернувшись к оставленному мешку, Марсал достал из бокового кармана моток веревки с привязанным самодельным крюком, выгнутым из какой-то старой, проржавевшей скобы. Вернувшись к выходу, он размотал веревку, кинул ее на пол и, как следует прицелившись, метнул крюк вверх. Бросок получился неудачным: ударившись о стенку, крюк упал вниз. Тихо выругавшись, Марсал повторил попытку. И снова неудачно.

Только после шестого броска крюк оказался на краю отверстия и за что-то там зацепился. Пару раз осторожно дернув веревку, Марсал поджал ноги и повис на ней всей тяжестью своего тела. Опора, за которую цеплялся крюк, выдержала. Это вовсе не означало, что она не обломится в тот момент, когда Марсал начнет взбираться, но выбора у него не было. Если бы Мар-

сал решил вернуться к тому выходу, через который забрался в лаз снежного червя, скорее всего новичок, как обычно, достался бы «снежным волкам». Впрочем, даже если новичка удастся увести, с ним еще будет немало проблем: «снежные волки» не откажутся так просто от добычи, которую они считают безраздельно своей. Однако пока Марсал даже и не думал о том, как и где будет прятать новичка. Сейчас у него был шанс, который, возможно, уже никогда больше не представится, – по воле случая он оказался гораздо ближе к тому месту, где появился новичок, чем «снежные волки», – и Марсал не собирался упускать такую удачу. Подтянувшись на руках, он зацепился кошками за нижний край ведущей вверх ледяной трубы и начал выбираться на поверхность.

Веревка была тонкой, без узлов, и к тому моменту, когда Марсал добрался до верхнего края вертикальной трубы, пробитой в снегу червем, руки и колени его дрожали от напряжения. Он старался даже не думать, за что зацепился брошенный им крюк, потому что, если бы он сорвался, падение с пятиметровой высоты на толстую ледяную корку могло закончиться весьма плачевно.

Уцепившись пальцами за кромку льда, Марсал перевалился через окружающий выходное отверстие невысокий вал из спрессованного снега. Перекатившись на спину, он замер, раскинув руки в стороны: нужно было перевести дух.

До ослепительно голубого безоблачного неба, казалось, можно достать рукой. А протянув руку в сторону, можно попробовать поймать в ладонь зависший почти у самого горизонта крошечный желто-коричневый шарик солнца. Марсал всегда удивлялся, как такое маленькое светило дает столько света, что от него воспаляются глаза? Или во всем виноват снег?

Вокруг царила мертвая тишина. Только легкая поземка, которую гнал по тоненькой корочке наста ветер, едва слышно шуршала возле уха. Казалось, Марсал находился совершенно один в холодном, застывшем мире, где не было и не могло быть места ни для чего живого.

Почувствовав, как даже сквозь доху мороз начинает добираться до спины, взмокшей во время непростого подъема, Марсал приподнялся, опершись на локоть. Ничто не изменилось в мире с тех пор, как он примерно час назад спустился в лаз снежного червя. И все же он знал, что где-то неподалеку находится новичок – испуганный до смерти человек, который не помнит, кто он и каким образом очутился в этом холодном, неприветливом мире белого безмолвия.

Марсал поднялся на ноги и сразу же увидел на ровном белом фоне темное инородное пятно. Человек лежал на боку, свернувшись, словно зародыш в материнской утробе. На нем была такая же серая доха, что и у Марсала, только совсем новенькая. На голове – шапка из синтетического меха с широкими, плотно прикрывающими уши краями. На ногах – серые стеганые ватные штаны и высокие меховые ботинки с толстой кожаной подошвой. В двух шагах от новичка лежал, наполовину утопленный в снегу, туго набитый вещевой мешок, из-под верхнего клапана которого высовывались концы новеньких плетеных снегоступов и черная пластиковая рукоятка какого-то инструмента.

Увидев эти сокровища, Марсал в первый момент испытал желание схватить мешок новичка и скрыться вместе с ним в лазе снежного червя, оставив незнакомца дожидаться «снежных волков». Искушение было велико – утаить мешок с вещами куда проще, чем спрятать живого человека, – и все же Марсал сумел устоять, вспомнив слова Татауна.

– Даже здесь, в этих нечеловеческих условиях, мы должны стараться оставаться людьми, – нередко говаривал он. – Только так мы сумеем выжить и, быть может, когда-нибудь найдем дорогу в иной мир, в котором люди могут просто наслаждаться жизнью, а не бороться изо дня в день за выживание.

Татаун говорил это даже «снежным волкам», но те только посмеивались над парнем, считая, что у него не все дома. Удивлялся святой наивности Татауна и Марсал. Однако сейчас, когда он увидел совершенно беззащитного человека, который пока еще даже не подозревал, что ожидает его после пробуждения, Марсал подумал, что, наверное, Татаун был умнее тех,

кто считал его придурковатым чудачком. В этом холодном, бесчувственном мире люди имели шанс выжить, только начав совместную борьбу за существование. А для этого каждый должен был вначале протянуть ближнему руку помощи.

– Эй! – Марсал присел на корточки рядом с новичком и тихонько потряс его за плечо. – Эй, ты меня слышишь?

Человек, лежавший на снегу, чуть приподнялся на локте и повернул голову.

Это был мужчина лет тридцати или чуть больше. Лицо у него было широкое, открытое и, что поразило Марсала более всего, гладко выбритое. Волос, выбивающихся из-под шапки, тоже не было видно – новичок был аккуратно подстрижен. Впрочем, по словам Татауна, все новички прибывали в мир вечных снегов такими: аккуратно подстриженными, гладко выбритыми, сытыми и ухоженными.

– Что?.. – едва слышно произнес новичок, удивленно глядя на худое, с запавшими щеками, обросшее темно-русой с едва заметной проседью бородой лицо Марсала.

– Поднимайся, – чуть сильнее тряхнул его за плечо Марсал. – Нам нужно отсюда уходить, и как можно скорее. Если ты, конечно, не хочешь оказаться у «снежных волков».

– Волки?.. – все тем же тоном повторил новичок.

Казалось, он не понял ни единого слова из того, что сказал ему Марсал.

– Поднимайся.

Подавая новичку пример, Марсал первым встал на ноги.

Новичок поднялся следом за Марсалом и удивленно посмотрел вокруг.

– Где мы находимся? – наконец-то произнес он первую осмысленную фразу.

К сожалению, чтобы дать более или менее вразумительный ответ на этот, казалось бы, совсем простой вопрос, потребовалось бы слишком много времени. Поэтому вместо объяснений Марсал указал на лежавший в снегу вещевой мешок.

– Это твое. Бери и пойдём.

К чести новичка, он повел себя сообразно обстоятельствам: не стал закатывать истерику, а просто поднял свой мешок и закинул его за спину. Движения его были уверенными и несуетливыми – казалось, он превосходно знал все, что ему нужно делать.

Кивком велел новичку следовать за собой, Марсал направился к выходу из лаза снежного червя.

Остановившись рядом с Марсалом на краю воронки, новичок с любопытством посмотрел вниз.

– Это лаз снежного червя, – счел нужным дать необходимые объяснения Марсал. – Но самого червя поблизости нет. Мы воспользуемся лазом, чтобы добраться до нужного нам места. Ясно?

Новичок молча кивнул.

– У тебя в мешке должны быть кошки, – сказал Марсал и, подняв ногу, показал те, что были закреплены на его ботинках.

Новичок поставил мешок на край воронки, развязал его и стал перебирать находившиеся там вещи. Он с интересом рассматривал каждый новый предмет так, будто видел его впервые в жизни.

– Потом будешь любоваться! – недовольно прикрикнул Марсал. – Ищи кошки!

Новичок бросил на Марсала неодобрительный взгляд из-под светлых бровей, но ничего не сказал. Отыскав кошки, он быстро покидал другие вещи обратно в мешок.

Марсал показал, как удобнее закрепить на ботинках кошки и как лучше взяться за веревку, чтобы спуститься вниз.

После того как новичок спустился в лаз, Марсал наполовину выдернул крюк из льда и изменил его наклон. Теперь конец крюка сидел в гнезде только до тех пор, пока веревка, к которой он был привязан, оставалась натянутой.

Спустившись к ожидавшему его новичку, Марсал пару раз дернул веревку, и крюк, выскочив из гнезда, упал вниз. Смотав веревку, Марсал сунул ее в свой мешок, поверх напоявших его кусков льда с вмержшей красницей.

– Пошли, – сказал он новичку, закидывая мешок за плечи, и, стукнув пару раз о ладонь светящийся цилиндр, зашагал вперед, указывая дорогу.

Они прошли всего несколько метров, когда новичок неожиданно окликнул Марсала.

– От кого мы убегаем? – спросил он.

– От «снежных волков», – не оборачиваясь, ответил Марсал.

– Волки... – задумчиво повторил новичок. – Это дикие звери?

Марсал на ходу оглянулся через плечо и удивленно посмотрел на новичка.

– С чего ты взял?

– Не знаю... – растерянно пожал плечами тот. – Мне просто показалось, что «волк» – это подходящее название для хищного зверя...

– Показалось, – усмехнувшись, покачал головой Марсал. – Я лично не видел здесь других зверей, кроме снежных червей... А «снежные волки» – это банда, промышленяющая грабежами. Новички вроде тебя их любимая добыча. Тебе повезло, что я оказался рядом, – не без гордости закончил он.

– Стой!

Голос новичка прозвучал настолько уверенно и сильно, что Марсал, не задумываясь, выполнил приказ. И только когда обернулся, на лице его отразилось недоумение.

– Послушай, сейчас у меня нет времени что-либо объяснять... – начал было он.

Но новичок, подняв руку, заставил Марсала умолкнуть.

– Если «снежные волки» – это люди и если они к тому же еще не полные идиоты, им не составит большого труда понять, что мы ушли через этот лаз. Они легко нас выследят. – Новичок взглядом указал на ледяной пол, покрытый следами, оставленными кошками.

Марсал в растерянности прикусил нижнюю губу. Новичок был прав: пройдя по лазу, «снежные волки» найдут другой выход, после чего следы снегоступов укажут им прямую дорогу к хибаре старого Бисауна. Стремясь как можно скорее покинуть место, где в скором времени должны были объявиться «снежные волки», Марсал даже и не подумал о столь очевидном варианте развития событий. Тогда он думал лишь о том, что ему впервые удастся оставить «снежных волков» без добычи. Однако сейчас в сознание Марсала вновь прокралась мысль, что, наверное, стоило забрать только вещевой мешок новичка и тихо, незаметно уйти. Но что сделано – то сделано.

– И что ты предлагаешь? – спросил Марсал, не особенно надеясь получить ответ.

– Вернуться и попытаться завалить выход из лаза, – уверенно ответил новичок.

– Гольми руками сделать это невозможно, – с сомнением покачал головой Марсал.

– У меня полный мешок инструментов.

Новичок слегка подкинул вещевой мешок, висевший у него за плечами, после чего, не дожидаясь ответа, повернулся к своему спутнику спиной и быстро зашагал в обратном направлении.

Помедлив всего пару секунд, Марсал последовал за ним. Ему не нравилось, что новичок, всего полчаса назад появившийся в мире вечных снегов и пока еще ровным счетом ничего о нем не знавший, взялся командовать им, Марсалом, прожившим здесь полтора года и имевшим опыт общения со «снежными волками». Но приходилось признать, что на этот раз новичок прав: отрезать преследователей можно, только завалив выход из лаза, по которому они собирались уйти. И Марсалу оставалось лишь досадовать на самого себя за то, что это столь очевидное решение не пришло ему в голову.

Возле выхода новичок скинул мешок и, встав под выходным отверстием, внимательно осмотрел его ледяные стены.

– Я думаю, если мы сколем лед по нижнему периметру цилиндра, вся ледяная труба рухнет вниз под собственной тяжестью, – сказал он, посмотрев на Марсала.

Марсалу понравилось, что на этот раз голос новичка звучал не столь уверенно, как прежде: он понимал, что Марсал лучше его разбирается в том, как устроен лаз снежного червя, а потому, предлагая свой вариант решения задачи, оставлял окончательный ответ на усмотрение своего спутника.

– Верно, – солидно кивнул Марсал.

Не теряя времени, они оба принялись за работу. Марсал вооружился большим топором, имевшимся среди вещей новичка, а сам новичок взял тесак с широким лезвием, насаженным на тяжелую пластиковую рукоятку.

Лед у основания трубы был толщиной почти в тридцать сантиметров, поэтому потрудиться пришлось изрядно. У новичка не было опыта, поэтому и работа продвигалась у него не так скоро, как у Марсала. И все же вдвоем они справились с ней довольно-таки быстро – всего за полчаса.

– Отходи! – скомандовал Марсал, когда после удара топором почувствовал ответную вибрацию льда.

Ударив еще несколько раз по трещине, над которой он трудился, новичок подхватил свой мешок и отбежал в глубь лаза. Марсал выдернул стальной прут толщиной в два пальца и длиной около метра, торчавший из мешка новичка. Загнав прут в одну из щелей, прорубленную у основания ледяной трубы, Марсал навалился плечом на противоположный его конец. Он чувствовал, как под его усилиями лед медленно подается, но при этом никак не желает осыпаться вниз.

– Помоги-ка! – крикнул Марсал новичку.

Новичок схватил топор и, подбежав к Марсалу, несколько раз ударил обухом по внутренней поверхности ледяной трубы.

С сухим, угрожающим треском лед начал ломаться.

Марсал с новичком едва успели отскочить в сторону, когда вниз начали падать большие куски льда. Следом за ними с нарастающим шумом, подобно лавине, устремились тонны слежавшегося снега, надежно закупоривая выход из лаза.

В проходе сразу же сделалось темно.

Марсал принялся рыскать по карманам, пытаясь вспомнить, в какой из них сунул светящийся цилиндр. Но прежде чем он отыскал его, стены лаза осветил зеленоватый свет цилиндра, который держал в руке новичок.

– Здорово получилось, – весело улыбнулся Марсалу новичок.

Марсал наконец-то отыскал свой цилиндр и, стукнув о ладонь, зажег его.

– Откуда ты знаешь, как пользоваться светящимся цилиндром? – спросил он у новичка.

– Я видел, как ты это делаешь, – ответил тот.

Марсал снова мысленно выругал себя за то, что не обращает внимания на, казалось бы, очевидные вещи.

Еще раз глухо ухнул проседающий снег, после чего послышался зловещий треск льда.

– Пойдем-ка отсюда скорее. – Марсал опасливо глянул на снежный оползень, который еще на пару метров приблизился к тому месту, где они стояли. – А то, не ровен час, и свод рухнет.

Новичок с готовностью закинул мешок на спину и последовал за Марсалом.

Все время, пока они шли к другому выходу, Марсал настороженно прислушивался к звукам, издаваемым льдом. Но треск, напугавший его, больше не повторялся. Марсал слышал только слабый, едва различимый скрип, сопровождающий медленное оседание льда, который почти всегда можно услышать в лазе снежного червя. Ледяные коридоры, прорытые снежным

червем, отличались удивительной прочностью и обычно начинали разрушаться не ранее чем спустя пару пятидневок после того, как червь покидал их.

Новичок ни о чем не спрашивал Марсала. А сам Марсал только однажды обратился к нему, сказав:

– Обнаружив на месте твоего появления оползень, «снежные волки» непременно станут разгребать его, чтобы забрать одежду и вещевой мешок. А не найдя ничего, даже тела, они поймут, что кто-то помог тебе скрыться, и снова примутся за поиски.

– По крайней мере мы выиграли время, – ответил на это новичок, в очередной раз удивив Марсала своей хладнокровной расчетливостью.

Хотя новичок, судя по всему, приходился Марсалу ровесником, Марсал никак не мог отделаться от обманчивого впечатления, что рядом с ним человек куда более опытный и мудрый. А потому он просто не знал, о чем говорить с новичком, который, вопреки обыкновению, не выглядел ни испуганным, ни подавленным, ни даже растерянным.

Не обмолвившись более ни единым словом, они дошли до выхода.

Веревка, оставленная Марсалом, была на месте. Выбравшись из лаза, Марсал первым делом приложил к глазам пластиковую полоску с прорезью и осмотрел окрестности.

Никаких признаков приближения «снежных волков» он не заметил, что уже само по себе было добрым знаком.

– Возьми солнцезащитные очки, – велел новичку Марсал. – Иначе ослепнешь.

Надев снегоступы, они зашагали по следам, оставленным Марсалом несколько часов назад, которые только слегка припорошила поземка.

Вот теперь-то Марсал наконец смог убедиться, что рядом с ним новичок. Со снегоступами на ногах спутник Марсала чувствовал себя неуверенно и неловко, как и любой другой, впервые вставший на них. Ноги он расставлял очень широко, а шаги делал слишком большие, что лишь затрудняло и замедляло движение. При желании Марсал мог бы легко оставить своего спутника далеко позади.

Не удержавшись, Марсал выкинул шутку, которая, как сам помнил и как рассказывали другие, неизменно приводила в смятение всякого новичка.

– Кстати, меня зовут Марсал, – представился он, наблюдая за новичком краем глаза.

– Очень приятно, – устало улыбнулся тот. – Мое имя...

Он внезапно умолк, не закончив фразу. Остановившись, он медленно поднял на лоб солнцезащитные очки, и Марсал впервые увидел на его лице выражение растерянности: новичок только сейчас понял, что не знает собственного имени.

– Все в порядке, – поспешил успокоить его Марсал. – Ты не потерял память. Просто у тебя пока еще нет имени. – Он ободряюще улыбнулся новичку. – Ты только сегодня появился на свет, и тебе еще не успели его дать.

Глава 2

Хибара старого Бисауна стояла в небольшой ложбине между двух выступающих вверх складок континентального льда. Место было удобно тем, что северный ветер сюда почти не задувал. Кроме того, когда низкую двухскатную крышу заносило снегом, дом словно бы растворялся в пустоте, сливаясь с окружающим пространством. Не зная точно, где он находится, можно было пройти мимо всего в нескольких шагах.

Низенькая входная дверь для лучшей сохранности тепла была обита изнутри синтетическим материалом, похожим на звериную шкуру с очень коротким, но плотным ворсом темно-коричневого цвета. Марсал впустил новичка в крохотный тамбур и, войдя следом, плотно прикрыл за собой дверь. В тамбуре было темно. Марсал на ощупь нашел ручку второй двери, ведущей в дом, и чуть приоткрыл ее, ровно настолько, чтобы человек мог пройти.

Войдя внутрь, новичок остановился на пороге. Взгляд, которым он обвел помещение, нельзя было назвать ни удивленным, ни заинтересованным, ни даже оценивающим. Он просто изучал новое для себя место.

В доме имелась всего одна большая комната, дальний конец которой был отделен занавесом из серой непрозрачной полимерной пленки. Пол, стены и потолок покрывал тот странный ворсистый материал, которым была обита входная дверь. В двух противоположных стенах, слева и справа от двери, были прорезаны крошечные оконца, забранные толстым полупрозрачным стеклом с волнистой поверхностью. Еще одно окно находилось за пластиковым занавесом. Должно быть, окна сделали лишь для того, чтобы помещение не казалось похожим на коробку, поскольку света внутрь они почти не пропускали. Источником же света служила большая круглая лампа, прикрытая матовым колпаком, ярко горевшая под потолком в центре комнаты.

Справа от двери в стену было вбито несколько гвоздей: на них висела убогая, латаная-перелатаная одежка, для которой трудно было даже подобрать верное название. Чуть дальше у стены лежали два скатанных матраса, тоже далеко не новые. В дальнем углу, возле занавеса, стояли пара ведер и большой алюминиевый таз. Обеденный стол, скамья, четыре табурета и пара полок – вот и вся нехитрая мебель.

Самым необычным предметом в комнате был металлический котел, наглухо закрытый круглой плоской крышкой, от которого по стенам дома тремя рядами тянулись черные уплощенные трубы шириной с ладонь. Коснувшись пальцами одной из таких труб, новичок тотчас же отдернул руку: после холода на улице труба показалось ему обжигающе горячей.

Несмотря на убогость обстановки, в комнате было чисто, прибрано, и каждая вещь стояла на своем месте, из чего сразу же напрашивался вывод, что в доме хозяйничает женщина. Наверное, ни один мужчина не догадался бы постелить возле порога тряпку, чтобы мокрый снег с обуви не разносился по всей комнате.

Однако единственным, кого увидел новичок, войдя в дом, был старик, сидевший на табурете возле стола. Старик был невысокого роста и тщедушного телосложения. Солидность ему придавали грива седых волос, зачесанная назад, и небольшая борода, ровно срезанная на расстоянии ладони от подбородка. Когда же старик, чуть повернув голову, посмотрел на новичка из-под широких бровей, тот был поражен твердостью его взгляда. Подобную уверенность в себе нечасто встретишь и у куда более молодых и, казалось бы, знающих себе цену представителей рода человеческого.

Вошедшему с мороза новичку трудно было определить, насколько тепло в комнате, но, судя по одежде старика – серые полотняные штаны, зеленая рубашка, коричневая стеганая душегрейка и грубые войлочные шлепанцы на ногах, – проблем с обогревом дома не существовало.

– Ну, с прибытием, – сказал, обращаясь к новичку, старик.

Новичок в ответ улыбнулся и, как бы извиняясь за свой неожиданный визит, слегка развел руками. Жест получился особенно выразительным еще и потому, что в каждой руке он держал по снегоступу, с которых капала талая вода.

– Раздевайтесь, – улыбнулся старик.

Марсал и новичок быстро скинули верхнюю одежду, стянули с себя свитера и ватные штаны.

– Поищи в своем мешке тапки, – посоветовал новичку Марсал, надевая на ноги войлочные шлепанцы, стоявшие у порога.

Покопавшись в вещевом мешке, новичок вытащил из него точно такую же пару обуви, что была на ногах у старика и Марсала, только совершенно новенькую.

Случайно оглянувшись через плечо, новичок успел заметить, как быстро спряталась за отделявшим дальнюю часть комнаты серым занавесом чья-то голова. Он не успел рассмотреть черт лица, но почему-то решил, что это женщина.

Старик тем временем достал из-под стола большой пластиковый ящик, разделенный внутри на множество небольших ячеек, и стал аккуратно раскладывать в них пластиковые пакетики, лежавшие перед ним на столе.

– Как тебе удалось его перехватить? – не прерывая своего занятия, спросил он у Марсала.

– Он появился рядом с тем местом, где я собирал красницу, – ответил Марсал. – Я даже не успел собрать все ягоды.

Услышав слово «ягоды», старик недовольно поморщился.

Марсал поставил на край стола вещевой мешок, низ которого уже сделался мокрым из-за подтаявшего льда.

– Халана! – громко позвал старик.

Из-за занавеса вышла женщина. Еще не старая, но с печатью неизбывной, разъедающей душу, словно ржа железо, тоски на лице, она была абсолютно лишена какой-либо привлекательности. Движения ее были угловатыми и скованными. Казалось, не имея собственной воли, она двигалась, лишь подчиняясь приказам старика. Одетая она была так же, как и все – широкие штаны, рубашка и душегрейка, – и только темные волосы ее были не просто зачесаны назад, а аккуратно заплетены в короткую косу.

– Займись красницей, Халана, – старик взглядом указал на мешок, принесенный Марсалом.

Женщина взяла мешок и отнесла его на скамью. Поставив рядом широкий таз, она начала осторожно перекладывать в него подтаявшие куски льда с вмерзшими в них ярко-красными ягодами, которые только один старый Бисаун настойчиво называл насекомыми.

– Шесть пятidineвок назад Халана потеряла ребенка, – тихо шепнул на ухо новичку Марсал.

Новичок понимающе кивнул.

– Ну, с Марсалом ты, как я понимаю, уже познакомился, – вновь обратился к новичку старик. – Мое имя Бисаун. Это Халана...

Женщина, перебиравшая красницу, даже не подняла головы, будто речь шла вовсе не о ней.

– Еще у нас есть Эниса, – усмехнувшись, старик указал взглядом на занавес.

За шторой кто-то тихо хихикнул, однако новое лицо в комнате так и не появилось.

– А у меня пока еще нет имени, – с извиняющейся улыбкой произнес новичок. – Я не знаю, кто я такой, не знаю, как здесь оказался, и абсолютно не понимаю, что здесь происходит.

Неотрывно глядя на новичка, старый Бисаун чуть приподнял левую бровь, что должно было выражать не столько удивление, сколько одобрение.

– Однако держись ты весьма уверенно.

Улыбка новичка сделалась немного смущенной.

– Привычка, – сказал он и провел по воздуху ладонью с растопыренными пальцами, словно пытаюсь поймать что-то невидимое.

– Привычка... – повторил следом за ним старик.

– Он решил, что «снежные волки» – это звери. – Марсал усмехнулся, как будто сказал нечто невероятно остроумное.

– Почему ты так подумал? – серьезно посмотрел на новичка старик.

– Не знаю, – пожал тот плечами. – Просто мне показалось, что «волк» – вполне подходящее название для хищника.

– Волк... – в задумчивости старик прикусил щеку изнутри и возвел глаза к потолку. – Что ж, вполне возможно... – Бисаун вновь посмотрел на новичка. – Ты еще что-нибудь помнишь?

– О чем? – непонимающе переспросил тот.

– О чем угодно, – махнул рукой старик. – Для начала нам нужно хотя бы понять, на что ты способен.

Новичок сосредоточенно сдвинул брови к переносице.

– Ладно, не напрягайся, – снова махнул рукой Бисаун. – Воспоминания, если они есть, придут сами. Покажи лучше, что у тебя с собой.

Новичок с готовностью выставил на стол свой вещевой мешок.

Старый Бисаун раскрыл мешок и начал не спеша вынимать вещи. Он аккуратно раскладывал их на столе, называя те, которые были ему знакомы.

Помимо смены одежды, в мешке новичка находились пара отличных ножей, пила, топор, тесак с широким лезвием, молоток, набор столовой посуды из легкого, но очень прочного полимерного материала, пара стальных прутьев, две упаковки с гвоздями – по три и по пять сантиметров, несколько металлических скоб, набор колец, два мотка прочной веревки, маленькая коробочка с нитками, иглами и запасными пуговицами и небольшой отрезок липучки. Особенно обрадовала старика литровая пластиковая бутылка, наполненная какой-то густой серой жидкостью.

– Отлично, – сказал он и, отвернув пробку, понюхал содержимое бутылки. – Теперь у нас есть новая закваска.

Старик так же довольно зацокал языком, когда из мешка появилась круглая пластиковая коробочка с небольшими ячейками внутри. В каждую ячейку было насыпано десятка полтора-два небольших белых горошин, а на боковых перегородках были выдавлены значки, похожие на пиктограммы. В одной из ячеек лежало несколько острых стальных проволочек, изогнутых полумесяцем, и два небольших мотка тонкого шелка. Даже не спросив у новичка разрешения, старик с хозяйским видом положил коробочку на крышку ящика, стоявшего под столом.

– Это лекарства, – заметив недовольный взгляд новичка, объяснил Марсал. – Даже «снежные волки» отдают все лекарства Бисауну, потому что только он один понимает значки на коробках и знает, какое лекарство от какой болезни помогает.

– А что это такое, я не знаю.

Старик положил на стол небольшую круглую коробочку с прозрачным верхом. Внутри коробочки по кругу были нанесены отметки различных размеров и цветов, а в центре на штырь насажена стрелка, выкрашенная в два цвета: один конец – синий, другой – красный.

– Это компас, – неожиданно для себя самого уверенно произнес новичок.

– Компас, – старательно произнес незнакомое ему слово, старый Бисаун вопросительно посмотрел на новичка, ожидая более подробных объяснений.

– Компас – это прибор для определения сторон света.

Новичок уверенно взял компас в руки и оттянул небольшую выступающую головку на его боковой стороне. Стрелка компаса тотчас же пришла в движение и, сделав пол оборота, замерла, указывая синим концом в дальний угол комнаты.

– Там – север, – сказал новичок, указав пальцем в ту же сторону, что и синий конец стрелки.

Старый Бисаун и Марсал одновременно повернули головы в указанном направлении, словно ожидали увидеть там нечто необычное, что прежде оставалось для них невидимым, или же то, на что они просто не обращали внимания, считая данный предмет чем-то совершенно несущественным.

– Ну и что с того? – недоумевающе спросил Бисаун, вновь переведя взгляд на новичка. – Нам и без того известно, где какие стороны света расположены.

– Это потому, что вы сидите на одном месте, – возразил новичок. – При перемещении же на дальние расстояния компас просто незаменим.

– Всегда можно сориентироваться по солнцу, – заметил Марсал. – Оно восходит на востоке, а садится на западе.

– А как ты определишь направление ночью? – хитро глянул на Марсала новичок.

Марсал не нашел, что ответить.

– Кроме того, – продолжал новичок, – определить направление по компасу можно куда более точно, чем по солнцу. А если у вас есть карты...

– Карты? – непонимающе прищурился старый Бисаун. – Что ты называешь картами?

– Ну, это такие большие листы бумаги, на которые нанесены схематические изображения местности, – как смог, объяснил новичок.

Старик задумчиво почесал свою густую бороду.

– Что такое бумага? – спросил у старика Марсал.

Старый Бисаун усмехнулся и качнул головой.

– Спроси лучше у него, – взглядом указал он на новичка. – К нему, похоже, начала возвращаться память. Если так и дальше пойдет, он расскажет нам такое, о чем никто никогда не слышал в мире вечных снегов.

– Вы не знаете, что такое бумага? – не то чтобы удивленно, а скорее недоверчиво посмотрел на своих собеседников новичок.

– Быть может, мы называем эту вещь как-то иначе. – Старый Бисаун повел рукой по сторонам. – Посмотри, может, ты увидишь ее.

Новичок взглядом обвел комнату и покачал головой: ничего сделанного из бумаги тут не было.

– На чем же вы пишете? – снова посмотрел он на Бисауна.

– Я снова не понимаю тебя, – покачал головой старик.

– Ну, письменность... – Новичок потерянно взмахнул руками перед собой, пытаясь найти нужные слова, чтобы объяснить своим собеседникам понятие, которое самому ему казалось вполне очевидным, а потому и не требующим никакого дополнительного толкования. – Люди часто записывают те вещи, которые хотят запомнить... Для этого существуют специальные значки, называемые буквами, каждая из которых соответствует определенному звуку устной речи.

– Я отмечаю только прожитые дни.

Бисаун тяжело поднялся на ноги, снял с полки сложенный в несколько раз лист плотного полиэтилена и расстелил его на столе. В полиэтилене было проделано множество отверстий, внимательно посмотрев на которые новичок уловил определенную систему. Каждое пятое отверстие было чуть больше четырех предыдущих. А отсчитав пятнадцать больших отверстий, он наткнулся на совсем уж необычную прорезь в форме креста.

– В году семьдесят пять дней, – объяснил старый Бисаун, проведя пальцем от одной крестообразной отметки до другой. – Для удобства год разбит на пятнадцать пятидневок, – палец старика указал на несколько больших отверстий. – В сутках сто двадцать часов: семьдесят два часа – светлое время суток, остальное – ночь.

Новичок посмотрел на часы, висевшие на стене за спиной старика. Круглый циферблат был разбит на двенадцать часовых делений.

– Откуда вам все это известно? – спросил он.

– Это известно каждому, – уверенно ответил старик.

Подтверждая его слова, Марсал коротко кивнул.

– А когда происходит смена времен года?

– Что ты имеешь в виду? – не понял Бисаун.

– Периодическое изменение климатических условий, – объяснил новичок. – Сейчас, как я вижу, у вас зима. Но потом придет весна, станет теплее, снег начнет таять, и наступит лето. Потом – осень и снова зима.

Бисаун и Марсал удивленно переглянулись.

– Здесь всегда зима, – сказал, обращаясь к новичку, Марсал. – И снег никогда не тает.

Откинувшись назад, старик привалился спиной к стене и с интересом, будто только сейчас разглядел его по-настоящему, посмотрел на новичка.

– Я даю тебе имя Харп, – торжественно провозгласил он.

– Почему Харп? – удивленно приподнял бровь новичок.

– Потому что, мне кажется, это имя соответствует твоему характеру. – Бисаун степенно огладил бороду с таким видом, будто сказал что-то в высшей степени значимое.

– Бисаун всем дает имена, – добавил Марсал.

– Ну что ж, Харп так Харп, – весело и беззаботно улыбнулся новичок. – Имя ничуть не хуже других. Вот когда я вспомню свое настоящее имя...

– Свое имя ты уже никогда не вспомнишь, – не отрывая взгляда от смеющихся глаз Харпа, медленно покачал головой старый Бисаун. – Лучше и не думай об этом. Я не встречал еще ни одного человека, которому удалось бы вспомнить свое имя. Или хоть что-нибудь из своей прошлой жизни. У каждого есть какие-то воспоминания, но они имеют отношение только к тем или иным профессиональным навыкам. Ничего личного. Забудь о прошлом – его нет. Ты только сегодня появился на свет.

Улыбка не исчезла с лица Харпа, но сделалась похожей на сардонический оскал.

– Люди не появляются на свет взрослыми, – медленно произнес он.

– А как появляются на свет люди? – с любопытством посмотрел на него старик.

– Известно как...

Харп бросил быстрый взгляд через плечо на Халану.

Женщина стояла возле металлического котла, на плоскую крышку которого она поставила таз с вмерзшей в лед красницей. Время от времени она наклоняла таз и сливала талую воду в ведро.

– Детей должны рожать женщины, – уверенно заявил Харп.

– Согласен, – чуть наклонил голову Бисаун. – Но происходит это не здесь, а где-то в другом месте. Тебе известно, как ты сюда попал?

– Я не знаю, – подумав, покачал головой Харп.

– И никто не знает, – заверил его старик. – Но тем не менее в мире вечных снегов регулярно появляются люди, чаще всего в возрасте от двадцати до сорока пяти лет, совершенно ничего не помнящие о своей прошлой жизни. При этом каждый из них имеет при себе стандартный набор вещей, необходимых для того, чтобы выжить здесь. – Бисаун указал на вещи из мешка Харпа, разложенные на столе. – Так было всегда и так будет до тех пор, пока существует этот мир.

– А естественным образом дети в вашем мире рождаются? – поинтересовался Харп.

– Если такое когда и случалось, мне об этом ничего не известно, – покачал головой Бисаун. Продолжая, он понизил голос: – Шесть пятидневок тому назад у Халаны должен был появиться ребенок. Но Татаун, отец ребенка, отправился за красницей и бесследно пропал.

Халана очень переживала... Кроме того, у нас начала портиться закваска. Чтобы из закваски получалась полноценная пища, ее необходимо периодически обновлять, а у нас давно не было такой возможности. Только красницей кое-как и перебиваемся... В общем, мальчик Халаны родился мертвым.

Харп чуть наклонил голову к плечу и задумчиво постучал пальцами по столу.

– Я понимаю, что вопросов у тебя много, – продолжил Бисаун. – Однако давай для начала решим тот, который интересует всех: ты остаешься с нами?

– А у меня есть выбор? – прищурившись, посмотрел на старика Харп.

– Честно признаться, выбор у тебя невелик. – Бисаун взял со стола компас, покрутил его в руках, пренебрежительно хмыкнул и положил на место. – Тебе нужно где-то жить. Дом может обеспечить едой и теплом пять-шесть человек. Кроме тех хибар, что занимают «снежные волки», неподалеку от нас в снегах прячутся еще двенадцать домишек вроде нашего. Но в некоторых из них жильцов даже больше, чем нужно. А в нашей хибаре после исчезновения Татауна как раз появилось свободное место. Есть еще поселок на юге, десять домов. Кто там живет, мы не знаем. Его обитатели избегают контактов с другими людьми. А «снежные волки», как-то раз попытавшиеся было сунуться туда, очень скоро вернулись. И многим из них мне пришлось зашивать раны.

– А «снежные волки»? Чем они промышляют?

– Периодически совершают набеги на близлежащие дома. Забирают еду, теплую одежду и вообще все, что сочтут нужным. Случается, что и женщин уводят с собой... Кроме того, «снежные волки» считают своим неотъемлемым правом забирать все, что приносят с собой новички. Так что имей в виду, если решишь остаться с нами, тебе придется постоянно прятаться. А если «снежные волки» найдут тебя... Ну, тут уж я не берусь сказать, чем это закончится... С другой стороны, ты можешь сам присоединиться к «снежным волкам». Ты молодой и сильный мужчина – таких они охотно берут к себе.

– А ты? – Харп посмотрел на Марсала. – Почему ты не стал «снежным волком»?

Марсал смущенно потупил взгляд.

– Я не смог пройти обряд посвящения, – едва слышно пробормотал он.

– И в чем же заключался этот обряд? – удивленно приподнял бровь Харп.

– Ну... – Марсал глубоко вздохнул и на несколько секунд задержал дыхание, набираясь решимости. – Нужно было доказать, что ты настоящий мужчина.

– А у тебя с этим проблемы? – в голосе Харпа прозвучала едва уловимая насмешка.

Марсал бросил на Харпа ненавидящий взгляд из-под бровей.

– Нет. Но то, как это принято делать у «снежных волков»...

– «Снежные волки» выгнали Марсала на мороз босым и в одном нижнем белье, – пришел на помощь Марсалу старик. – Ему еще повезло, что он провалился в лаз снежного червя (там все же не так холодно, как наверху), где на него и наткнулся Татаун.

– Ага, – задумчиво кивнул Харп. – Выходит, все здравомыслящие люди считают, что во всех отношениях выгоднее присоединиться к «снежным волкам», чем прятаться от них.

– Я бы так не сказал, – ответил Бисаун. – Татаун сразу же решил остаться у меня.

– И у него не было проблем со «снежными волками»?

– Были. Пришлось отдать им почти все из вещей Татауна. Они оставили нам только свежую закваску и теплую одежду.

– Должно быть, с их стороны это было очень мило, – усмехнулся Харп.

– Другим не оставляют и этого, – мрачно заметил Марсал.

– Почему же для Татауна было сделано исключение?

– Потому что он решил остаться именно в моем доме, – с серьезным видом ответил старик. – Я единственный лекарь в округе. А ведь даже «снежные волки», случается, болеют. Поэтому они делают мне некоторые поблажки. А после того случая, как кто-то из них попы-

тался лечиться самостоятельно и, наглотавшись пилюль по собственному выбору, едва не умер, «снежные волки» стали регулярно снабжать меня аптечками из вещевых мешков новичков.

– Ты думаешь, мне не удастся договориться со «снежными волками» так же, как Татауну, отдав им часть вещей? – спросил Харп.

– Не удастся, – уверенно покачал головой Бисаун. – Потому что ты не согласишься на их условия.

– Пожалуй, ты прав, старик, – подумав, кивнул Харп. – В этом мире, как я посмотрю, жизнь не так-то проста, и я не собираюсь отдавать кому бы то ни было то, что мне самому необходимо.

– Значит, ты остаешься у нас? – Марсал с затаенной надеждой посмотрел на Харпа.

«Снежные волки» – конечно, серьезная проблема. Но, в конце концов, и ее можно решить. Зато теперь Марсал надеялся, что с появлением в доме еще одного молодого крепкого мужчины жизнь станет чуточку легче. Хотя бы такой, какой она была при Татауне. И еще Марсал был безмерно горд, что именно ему удалось увести у «снежных волков» новичка.

– Я останусь. Если только ни у кого нет возражений.

Харп посмотрел сначала на Бисауна, который был старшим в доме. Дождавшись от старика степенного, неспешного кивка, он перевел взгляд на Марсала.

– Конечно, оставайся! – радостно улыбнулся тот.

Харп взглянул на женщину.

Халана стояла у котла спиной к мужчинам с таким видом, словно все, о чем шла речь, ее не касалось.

– Халана, – негромко позвал женщину старик. – Наш гость ждет от тебя ответа.

Женщина, не оборачиваясь, быстро дернула плечом, словно стряхивая с него что-то.

– Халана! – громче и настойчивее позвал ее Бисаун.

– Мне все равно, – негромко произнесла женщина.

– Такой ответ тебя устраивает? – Старик посмотрел на Харпа.

– В данных условиях вполне, – ответил Харп. – Но ты говорил, что в доме есть еще кто-то.

Не успел он это произнести, как из-за пластикового занавеса быстро выглянула молодая девушка, которая только сказала:

– Я согласна, – после чего тут же вновь скрылась за занавесом.

Единственным, что успел заметить Харп, был взмах длинных огненно-рыжих волос.

– Это Эниса, – по-отечески улыбнувшись, сказал Бисаун.

– Она у вас всегда такая застенчивая? – также с улыбкой спросил Харп.

Лицо старика как-то сразу посуровело.

– Станешь тут застенчивой, – только и произнес он, не заботясь о том, верно ли гость истолкует его слова.

Харп никаких вопросов задавать не стал. У него сейчас были другие проблемы, лежащие совершенно в иной плоскости, нежели забота о том, понравился ли он женской половине дома или нет.

– Теперь мы должны решить, как поступить с твоими вещами, – сказал старик, проведя руками над тем, что было разложено на столе.

– И какие будут предложения?

По тому, как дернулась бровь Харпа, Марсал понял, что слова Бисауна ему не понравились.

– Никто не собирается отбирать у тебя твои вещи, – поспешил заверить Харпа Марсал. – Просто удобнее, когда часть вещей находится в общем пользовании.

– Старик уже забрал себе аптечку, – заметил Харп.

– Мне и тебя придется лечить, если ты заболеешь, – спокойно ответил Бисаун.

– Против этого я не возражаю. – Харп быстро дернул головой из стороны в сторону. – Что еще ты собираешься забрать в общее пользование?

– В первую очередь...

– Уже во вторую, – перебил старика Харп.

– Хорошо, – не стал спорить тот. – Нам нужна свежая закваска.

Харп посмотрел на пластиковую бутылку, в которой, по словам Бисауна, находилась закваска.

– Признаться, я пока еще плохо понимаю, что собой представляет эта самая закваска, – сказал он. – Вы что, ее едите?

– Закваска является основой всей нашей кухни, – объяснил старик. – Как ты уже, наверное, заметил, местность вокруг пустынная. Единственными живыми существами, встречающимися здесь, являются снежные черви. Но они настолько огромны и сильны, что даже «снежные волки» не отваживаются на них охотиться. Сами черви кормятся тем, что добывают подо льдом Замерзшего моря, куда нам не добраться. Поэтому мы можем довольствоваться разве что объедками, которые они оставляют, да красницей, которая живет в их лазах. Однако, чтобы выжить, этого недостаточно. По счастью, те, кто посылают нас сюда, снабжают каждого новичка бутылкой с закваской. Что она собой представляет, тебе не скажет никто. Но если закваску поместить в бак с водой и поставить в теплое место, то всего через десять-двенадцать часов из нее образуется плотная масса с приятным, чуть кисловатым вкусом. Ее можно есть в сыром виде, а можно готовить различные блюда – кому на что хватает фантазии. Достаточно оставить около литра закваски в баке, долить водой, и она снова начнет восстанавливаться. В принципе, этот процесс может продолжаться до бесконечности. Но примерно через полгода закваска начинает терять свои питательные свойства. Голод она по-прежнему утоляет, однако человек, питающийся только продуктами из старой закваски, начинает терять силы и часто болеет. Поэтому используемую в пищу закваску необходимо регулярно обновлять.

– Я так понимаю, что свежая закваска представляет собой определенную ценность, – прищурившись, посмотрел на старика Харп.

– Верно, – не стал отрицать Бисаун. – Но, если ты будешь жить с нами...

– То и питаться буду с одного с вами стола, – закончил за него Харп. – Я это понимаю, – коротко кивнул он. – Но я хотел бы видеть, как моя закваска пойдет в дело.

– Халана! – негромко окликнул Бисаун женщину.

Когда Халана подошла к столу, старик сделал Харпу приглашающий жест рукой, и тот, взяв бутылку с закваской, передал ее женщине.

Приняв пластиковую бутылку из рук Харпа, Халана вернулась к металлическому котлу, на котором стоял таз с красницей, и вытянула из-за него большой жестяной бидон, объемом не менее двадцати литров. Откинув с бидона крышку, она перелила в него содержимое бутылки. Закрыв бидон и задвинув его на прежнее место, Халана вернулась к столу и поставила перед Харпом пустую бутылку.

– И это все? – с некоторым недоумением Харп посмотрел на женщину.

– А что ты рассчитывал увидеть? – улыбнулся Бисаун.

Харп молча пожал плечами.

– К последней трети дня Халана приготовит нам запеканку из свежей закваски с красницей, – улыбнулся старик. – Уверю тебя, ты в жизни не пробовал ничего вкуснее.

– Я вообще не помню вкуса пищи, – признался Харп. – Никакой. – Это нормально, – заверил его Бисаун. – Я встречал только одного человека, который уверял, что помнит вкус какой-то другой пищи. Зато при этом он не мог без отвращения есть блюда из закваски. – Старик улыбнулся и слегка развел руки в стороны. – Как видишь, воспоминания бывают как полезные, так и вредные.

– Что с остальным? – Харп взглядом указал на разложенные вещи.

– Ты можешь взять все, что считаешь нужным, – старый Бисаун провел раскрытыми ладонями над столом. – Остальное поступит в общую собственность.

Окинув оценивающим взглядом вещи, разложенные на столе, Харп взял себе только пару теплых носков и охотничий нож в кожаных ножнах с широким лезвием, чуть загнутым кверху острием, глубоким долом вдоль всего лезвия и короткой пилой на обухе возле рукоятки.

– И это все? – глянул на него из-под бровей Бисаун.

– Ну, если ты не против...

Харп протянул руку и пододвинул к себе еще и компас.

– Вещица занятая, но, как мне кажется, в наших краях совершенно бесполезная, – скептически скривил губы Бисаун.

– Значит, я единственный, кому он может пригодиться, – ответил Харп, пряча компас в карман.

Старый Бисаун положил обе руки ладонями на стол, чуть подался вперед и посмотрел на Харпа так, словно собирался прочесть его мысли.

– Ты знаешь что-то, о чем не хочешь говорить? – тихо, почти шепотом произнес он.

Взгляд старого Бисауна, сделавшись неподвижным, словно бы пристыл к глазам Харпа.

Марсалу, который наблюдал за этой сценой со стороны, и то стало неуютно. Как-то раз он испытал на себе гипнотический взгляд старого Бисауна. От одного только воспоминания об этом у Марсала по спине пробежала холодная дрожь. Харп же даже не попытался отвести взгляд в сторону, только усмешка исчезла с его лица.

– По-моему, старик, ты знаешь куда больше, чем я, – так же тихо ответил он Бисауну. – Ты разве забыл, что я лишь сегодня появился на свет?

Пальцы на руках старого Бисауна согнулись. Марсалу показалось, что он слышит скрежет ногтей старика по пластиковой крышке стола. Воздух в помещении будто сделался плотнее и гуще. Даже Халана, стоявшая спиной, почувствовав возникшее напряжение, замерла.

Казалось, само время на миг остановилось.

В наступившей тишине голос Харпа прозвучал, подобно скрежету железа по стеклу:

– Я оказался здесь не по своей воле и не собираюсь оставаться здесь навсегда. Если есть вход, через который я попал в этот мир, значит, должен быть и выход. Его только нужно отыскать.

Глава 3

– «Снежные волки», – тихо, почти равнодушно, будто даже ни к кому не обращаясь, произнесла Халана.

Напряжение, повисшее в комнате, лопнуло – словно тонкая хрустальная нить оборвалась и растворилась в воздухе, оставив после себя только призрачный звук.

– Что? – вскинул кудлатую голову старый Бисаун.

– «Снежные волки», – повторила Халана, указав рукой на оконце, рядом с которым стояла.

Сорвавшись с места, Марсал подлетел к окну и, оттолкнув женщину, припал к неровному стеклу.

– Точно, они! – Обернувшись к столу, он нервно сглотнул. – Трое лыжников!

– Это не налет. – Старик в задумчивости ухватил в щепоть конец бороды.

Соглашаясь с ним, Марсал быстро кивнул. Рот его был чуть приоткрыт, а глаза как-то странно блестели.

– Так! – Старый Бисаун быстро окинул взглядом комнату. – Харп, давай сюда свою доху, ботинки и снегоступы!

Пока Харп собирал свои вещи, старик расстелил на полу серую драную дерюгу и сгреб на нее все вещи со стола.

– Что стоишь! – бросил он косой взгляд на замершего у окна Марсала. – Открывай тайник!

Марсал судорожно кивнул и кинулся за занавес.

Старик вырвал из рук Харпа доху и, широко взмахнув полами, кинул ее на пол подкладкой вверх. Уложив на нее завязанную в узел дерюгу, Бисаун приткнул по краям снегоступы и ботинки Харпа и, сведя полы дохи вместе, принялся застегивать пуговицы.

– Протолкнешь узел вперед себя, – быстрой скороговоркой давал он Харпу необходимые указания. – Когда заберешься в яму – оденешься. Места там достаточно. В яме холодно, но одетым в ней можно высидеть час-другой. Не знаю, с чего вдруг пожаловали к нам «снежные волки». Если вы с Марсалом завалили выход из лаза, отыскать вас по следам они не могли. А значит, заявиться к нам с обыском они должны бы не раньше завтрашнего утра. Что бы там ни было, сиди в яме до тех пор, пока Марсал тебя не позовет. Давай!

Старик сунул Харпу узел с вещами и взглядом указал на пластиковый занавес, где пару минут назад скрылся Марсал.

Если бы Харп сам принимал решение, он предпочел бы встретиться со «снежными волками», а не прятаться в какой-то там яме. И дело было не только в том, что противников всего трое. Харп считал, что разумные люди всегда могут договориться друг с другом. К тому же о «снежных волках» ему было известно лишь то, что рассказали старый Бисаун и Марсал, у которых имелись веские основания не говорить новичку всей правды: им была нужна закваска и принесенные Харпом вещи. Но на первый раз Харп решил довериться хозяевам дома, где оказался по воле случая. В конце концов, он, хотя и успел получить имя, все еще оставался новичком, за плечами которого не было ни опыта выживания в мире вечных снегов, ни элементарного понимания того, что здесь происходит.

Откинув пластиковый занавес, Харп увидел ту часть комнаты, что до сих пор была от него скрыта. Ничего нового там не оказалось – крошечное окошко в стене, два скатанных матраса в углу да низенький кособокий столик на трех ножках. Зато теперь Харп смог как следует рассмотреть вторую женщину, жившую в доме.

Эниса стояла возле окна. Чуть разведя руки в стороны, она прижималась к стене спиной с такой силой, словно хотела слиться с ней, чтобы сделаться невидимой. Ее и без того огром-

ные глаза были широко открыты и смотрели на мужчину с таким ужасом, что поначалу Харп решил, что это его внезапное появление напугало женщину. Но, заглянув Энисе в глаза, он увидел в них, кроме ужаса, еще и выражение какой-то совершенно безнадежной, покорной обреченности и даже будто готовности к тому, что должно было произойти.

– Зачем сюда идут «снежные волки»? – спросил Харп у Марсала.

Тот стоял на коленях в углу комнаты и суетливо ковырял железным крюком стену у самого пола. Не прерывая своего занятия и даже не подняв головы, он только плечами пожал.

Опустившись на колени рядом с Марсалом, Харп понял, что тот пытается загнать острый конец крюка в небольшое отверстие, прячущееся под ворсистым покрытием стены. Но из-за того, что Марсал страшно нервничал и торопился, ему никак не удавалось попасть в это отверстие. Забрав у Марсала крюк, Харп точно установил его острый конец и сильно ударил ладонью другой руки по изгибу крюка. Часть стены отошла в сторону. Марсал ухватился обеими руками за край стеной панели и потянул ее на себя. В стене открылось небольшое квадратное отверстие – только-только чтобы пролезть человеку, не одетому в доху.

Из дыры пахнуло ледяным холодом.

Проведя крюком по краям отверстия, Марсал сбил закрывавшую его корку льда.

– Толкай узел перед собой, – сказал он Харпу, отодвигаясь в сторону, чтобы дать ему возможность пролезть в дыру. – Через пару метров лаз пойдет вниз под уклон. Столкнешь узел с вещами и скатишься сам на животе. Не бойся, там невысоко. Когда окажешься на дне ямы, найдешь боковой ход. Он заканчивается небольшим гротом. Там оденешься и будешь ждать, пока я не позову тебя. Сам обратно вылезти даже не пытайся – все равно ничего не получится.

Пригнув голову к полу, Харп заглянул в лаз. Это дало ему информацию лишь о том, что стены дома состояли из двух листов пластика, толщиной в полсантиметра каждый, пространство между которыми шириной с ладонь было заполнено мелковолокнистым теплоизоляционным материалом.

Харп с сомнением покачал головой. Ему вовсе не хотелось лезть неизвестно куда, в темноту и холод, прячась от опасности, которая казалась ему сильно преувеличенной.

– Давай! – Марсал умоляюще посмотрел на Харпа. – Если «снежные волки» застанут тебя здесь, нам придется сказать, что ты сам пришел в наш дом!

– А если я расскажу им про этот тайник? – криво усмехнулся Харп.

Марсал ничего не ответил, только шумно выдохнул через нос.

Харп снова усмехнулся и, положив завязанную в узел доху на пол, толкнул ее в лаз.

– Держи! – Марсал кинул на колени Харпу перчатки на искусственном меху.

Натягивая перчатки, Харп уже в который раз подумал, что выжить в этом холодном мире не так-то просто, а погибнуть легко, сделав всего один неверный шаг. Забравшись в ледяной лаз без перчаток, он наверняка бы отморозил руки. А лишившись одной-двух фаланг на нескольких пальцах, был бы обречен на медленную смерть, даже если бы удалось избежать общего заражения крови. Нахлебник, который не способен чем-то помочь другим, был здесь никому не нужен. Если люди в этом мире и руководствовались какими-то своими понятиями об этике, то человеколюбие и гуманизм в их число, судя по всему, не входили. Марсал и старый Бисаун прятали Харпа от «снежных волков» вовсе не потому, что он был им симпатичен. Они исходили из своих чисто прагматических интересов. Если бы они решили, что им выгоднее сдать новичка «снежным волкам», то ни секунды не колеблясь, именно так и поступили бы.

Протолкнув узел вперед, Харп лег на живот и, отталкиваясь ногами, пополз следом.

Лаз был настолько узким, что Харп с трудом протиснулся в него. Если бы стены были не изо льда, он наверняка бы застрял. А так ему все же удавалось, хотя и медленно, продвигаться вперед.

Едва только обутые в войлочные тапки ноги Харпа скрылись в лазе, Марсал тотчас же закрыл вход. Харп оказался в полной темноте, скованный панцирем из холода и льда.

В первый момент он неожиданно почувствовал острый приступ клаустрофобии и чуть было не начал колотить пятками в стену, требуя снова открыть заслонку. Всем своим телом он ощущал смертельный холод, который, казалось, по капле вытягивал из него тепло, а вместе с ним и жизнь.

По счастью, Харпу быстро удалось взять себя в руки. Он понял, что кричать и звать на помощь не имело смысла. Марсал был так напуган неожиданным визитом «снежных волков», что ни за что на свете не выпустил бы Харпа из тайника. А теплоизоляционный материал, проложенный в стенах дома, похоже, обладал и неплохими звукоизоляционными свойствами – Харп, как ни прислушивался, не слышал ни единого звука. Следовательно, единственным спасением могло стать только четкое и неукоснительное следование инструкциям, полученным от Марсала и старого Бисауна.

Борясь со сковывающим суставы холодом, Харп пополз вперед.

Толкнув в очередной раз узел, Харп почувствовал, как он с тихим шелестом заскользил куда-то вниз. Чтобы изучить пространство впереди, он протянул руку.

Кисть повисла в пустоте. Продвинувшись еще немного вперед, Харп оказался на краю туннеля, уходящего наклонно вниз. Сделав глубокий вдох, как перед прыжком в воду, Харп оттолкнулся руками и заскользил.

Пытаясь замедлить падение, он упирался в ледяные стены руками и коленями. Но старания его, впрочем, так же, как и опасения, оказались напрасными. Не пролетев и пары метров, он упал на увязанную в узел доху, смягчившую падение.

Проведя руками по сторонам, Харп понял, что оказался на дне той самой ямы, о которой говорили Марсал и старый Бисаун. Она была несколько шире, чем ведущий в нее лаз, а ледяные стены были покрыты неглубокими кавернами и выступающими наростами. Пол в яме оказался настолько неровным, что Харпу с трудом удалось подняться на ноги. Пытаясь определить высоту потолка, он взмахнул рукой над головой, но поймал в кулак только пустое пространство.

Холод, проникающий под легкую одежду, становился все мучительнее. Тело Харпа сотрясалось от крупной судорожной дрожи, а зубы выстукивали причудливую дробь. Понимая, что тепла, оставшегося в теле, надолго не хватит, Харп, не теряя времени, принялся искать на ощупь боковой ход, о котором говорил Марсал.

Вскоре ему удалось отыскать круглое отверстие, расположенное почти у самого пола. Закинув в дыру узел, он сам пролез в него головой вперед и оказался в ледяном гроте.

Трясущимися руками Харп расстегнул пуговицы на дохе и вытряхнул на пол все, что в ней находилось. Надев доху на себя, он поднял воротник, запахнул полы, поджал ноги и, скорчившись, присел.

Вспомнив об обуви, Харп вновь заставил себя подняться и, скинув войлочные тапки, натянул на ноги ботинки на искусственном меху.

Стало немного теплее, но тело его по-прежнему тряслось в ознобе. Харпу казалось, что если он и сможет выдержать хотя бы несколько минут таких мучений, то после этого его уже никогда не перестанет бить внутренняя дрожь. Он, как ни старался, не мог заставить себя думать ни о чем другом, кроме как об убийственном холоде, терзающем его плоть.

В гроте было слишком мало места для того, чтобы попытаться разогреться с помощью физических упражнений. Все, что оставалось Харпу, – это статическая гимнастика. Он знал, что этот метод, если им правильно пользоваться, весьма эффективен, хотя и не помнил, где и когда впервые услышал о нем.

Усевшись поудобнее, Харп поджал колени к груди и плотно обхватил их руками. Сделав короткий, резкий выдох, он одновременно напряг все мышцы тела. Задержав это состояние полной сосредоточенности на максимальном напряжении мышц секунд на двадцать, он

затем сделал быстрый вдох и полностью расслабился. Сосчитав до десяти, Харп вновь повторил упражнение.

Минут через пятнадцать Харп если и не почувствовал себя тепло и комфортно, то уж по крайней мере поверил в то, что опасность замерзнуть до смерти ему уже не грозит. Решив исследовать место, в котором оказался, он вспомнил о светящемся цилиндре. Найдя на ощупь связанные края дерюги, Харп распустил узел и без особого труда нашел то, что ему было нужно.

Неяркого света, испускаемого цилиндром, оказалось достаточно, чтобы осветить все пространство грота, в котором находился Харп.

Грот, вне всяких сомнений, имел искусственное происхождение – на стенах, полу и потолке были видны следы инструментов, использованных при его создании. Размеры грота были небольшие – двоим людям в нем не развернуться. Помимо тех вещей, которые принес с собой Харп, на полу лежали еще старый, порванный в нескольких местах спальный мешок и небольшой узелок.

Первым делом Харп накинул на плечи спальный мешок, после чего взялся за изучение содержимого узелка. Вещей в нем оказалось не так уж много: три крюка, на одном из которых был обломан конец, пара старых тупых ножей, еще одно лезвие ножа без рукоятки, светящийся цилиндр, который, как убедился Харп, был еще вполне пригоден для использования, пара кошек для обуви и еще несколько железок непонятного назначения.

Сложив все вещи на место, Харп выглянул в яму, через которую попал в грот.

Глубиной она была около трех метров. Сверху ее закрывала плоская крышка. Как и предупреждал Марсал, нечего было и думать о том, чтобы выбраться наверх без посторонней помощи.

Когда Харп рассматривал стены и пол ямы, покрытые кавернами и натеками льда, ему пришло на ум, что так мог бы выглядеть лед, на который выплеснули кипяток. Только кому и зачем это было нужно?

Снова забравшись в грот, Харп занял прежнее положение на полу, поджав колени и обхватив их руками. Теперь ему не оставалось ничего иного, как только запастись терпением и ждать.

Темнота и холод делали ожидание томительно долгим. Чтобы хоть чем-то заняться, Харп начал упражняться со светящимся цилиндром, ударяя по нему с различной силой то с одного, то с другого конца. Вскоре он уяснил, что, сколько по нему ни стучи, цилиндр не станет светиться дольше и ярче. Сосчитав до ста, следовало вновь ударить цилиндр, чтобы он не погас.

Не имея иного занятия, Харп попытался мысленно разобраться в той странной, близкой к бредовой ситуации, в которой он оказался. Однако очень скоро понял, что для этого у него недостаточно информации. Что ему известно о мире, в который он попал? Да почти ничего!

Первое. Он, взрослый мужчина, каким-то непостижимым образом оказался в мире, где царствуют убийственный холод и вечные льды. Он ничего не помнил из своей прошлой жизни. Даже имя ему пришлось придумывать новое. Но при этом он, судя по всему, не утратил тех навыков и опыта, которые успел в свое время приобрести. Более того, некоторые его познания, которые самому Харпу вовсе не казались исключительными, приводили местных жителей в недоумение.

Второе. С первого взгляда было ясно, что мир, где он теперь должен научиться жить, совершенно не соответствует тем условиям, что требуются человеку для нормальной жизнедеятельности. Люди здесь не могут даже самостоятельно обеспечить себя едой, а потому надеются только на закваску, которую регулярно забрасывают сюда неизвестные доброхоты, заинтересованные в том, чтобы мир вечных снегов был заселен людьми. Что уж говорить о развитии пусть даже примитивного кустарного производства самых необходимых вещей: одежды, мебели, домашней утвари – для всего этого в мире вечных снегов просто нет исходных материалов.

Третье. Образ жизни людей, которых встретил здесь Харп, иначе как примитивным назвать нельзя. Они имеют только самое необходимое и не стремятся к большему. Их познания о мире, в котором они живут, крайне скудны и ограничены. Им неизвестна письменность. А календарь им заменяет кусок пластика с проколотыми в нем отверстиями. Однако при этом дом, где они живут, построен из полимерных материалов, для создания которых необходимы высокие технологии. В доме есть электрическое освещение, и каким-то образом он отапливается, хотя ни печи, ни камина в помещении, которое видел Харп, нет. Те, кто отправляет людей в мир вечных снегов, снабжают их добротными инструментами, но не дают иного оружия, кроме ножей и металлических прутьев. Харп готов был поклясться, что никогда прежде не видел ничего похожего на светящиеся цилиндры. Но в мире вечных снегов, судя по всему, это вполне обыденные предметы. И при этом местные жители не знают, что такое бумага.

Вот, пожалуй, и вся информация, которой располагал на данный момент Харп. И какой из всего этого можно сделать вывод?..

Единственное умозаключение, к которому пришел в результате своих недолгих размышлений Харп, сводилось к тому, что он абсолютно ничего не понимает.

Важной знаковой составляющей того мира, где оказался Харп, являлся холод. И вскоре Харп убедился, что это явление куда более страшное, чем он мог себе представить.

Харп полагал, что, одевшись и заставив все мышцы тела работать, он тем самым уже защитил себя от замерзания. Но холод оказался куда более коварным противником. Он исподволь, почти незаметно проникал под покровы одежды и, делая свое черное дело, не спеша отбирал у тела крошечные, почти незаметные частички тепла.

Харп понял, что дело плохо, когда поймал себя на том, что уже не может думать ни о чем другом, как только о тепле, которого так не хватало его отчаянно мерзнущему телу. Даже статическая гимнастика уже не спасала от пронзительного холода, пробиравшего, казалось, до самых костей.

Он не мог точно сказать, как долго просидел в своем убежище. Наверное, не меньше часа. Хотя не исключено, что это было субъективное суждение о времени, виною чему был все тот же безжалостный холод, способный даже несколько минут ожидания растянуть до размеров вечности.

Если бы существовала возможность выбраться из ямы без посторонней помощи, Харп сделал бы это, не задумываясь о том, что ожидало его в доме. Единственное, что ему сейчас было нужно, – это тепло.

Харп уже почти не обращал внимания на тот бешеный ритм, что выстукивали зубы. Он чувствовал, как разум обволакивает тяжелая дремота, с которой невозможно бороться. Глаза сами собой закрывались, а сознание уплывало куда-то в сторону галлюциногенных образов, которым трудно было подобрать названия, но с которыми так не хотелось расставаться.

Харп вспомнил, что когда-то слышал, что замерзающие люди просто засыпают, не чувствуя при этом ни физической боли, ни душевных страданий. Однако он даже и предположить не мог, что это будет к тому же еще и приятно...

Пытаясь вернуться к действительности, Харп медленно, словно тюк с тряпьем, потерявший равновесие, завалился на бок. Перевернувшись на живот, он поднялся на четвереньки. До выхода из грота было меньше метра, но Харпу этот путь показался бесконечным. Для того чтобы заставить окостеневшие суставы двигаться, приходилось прикладывать невероятные усилия. При этом Харп упорно не желал выпускать из руки светящийся цилиндр и всякий раз, как только свет начинал меркнуть, бил им о стену грота.

Вывалившись из грота в яму, Харп какое-то время неподвижно лежал на спине, раскинув руки в стороны. Только когда светящийся цилиндр вновь начал тускнеть, он поднял руку и, не разжимая кулака, пару раз ударил им о лед. Цилиндр вновь засветился, но Харп продолжал колотить о лед сжатой в кулак рукой до тех пор, пока не почувствовал боль в разбитых суставах.

Прокричав что-то совершенно невнятное, Харп заставил себя сесть. Затем мучительно медленно начал подниматься на ноги. Его повело в сторону, и, чтобы устоять, он привалился плечом к неровной ледяной стенке ямы. В таком положении холод пробирал сильнее, забираясь под полы дохи, однако Харп полагал, что, стоя на ногах, он по крайней мере сможет бороться с предательским сном, уводящим сознание в бездну небытия.

Теперь он сосредоточил все свое внимание и волю на том, чтобы не дать погаснуть светящемуся цилиндру.

– Один... Два... Три... – медленно отсчитывал посиневшими, трясущимися губами Харп.

Досчитав до десяти, он несколько раз сильно ударял светящимся цилиндром по колену и начинал считать заново.

– Эй, новичок!.. Харп!..

Харп не сразу понял, что голос, доносившийся из лаза, ведущего в дом, был обращен к нему.

Кинувшись к дыре в стене, он едва не упал: холод, сковывающий тело, делал его похожим на неподъемный ящик, который можно перемещать, только переваливая с одного бока на другой.

– Я здесь!.. – срывающимся голосом закричал Харп, уцепившись негнущимися пальцами за скользкий край ледяной дыры. – Черт!.. Вытащите меня отсюда!..

Звякнув о лед, из дыры вывалился металлический крюк, привязанный к концу веревки.

– Сначала вещи, – раздался сверху голос Марсала.

– К черту вещи! – заорал Харп, ухватившись обеими руками за веревку. – Вы что, хотите, чтобы я окошел здесь?!.

Упершись ногами в стену ледяной ямы, он попытался забраться в лаз. Без кошек на ботинках сделать это оказалось невозможно: ноги соскальзывали, не находя опоры, а оконечившие руки не могли как следует уцепиться за веревку.

– Доху снял? – спросил сверху голос Марсала.

Посчитав вопрос откровенно издевательским, Харп в ответ только выругался и изо всех сил рванул веревку.

Марсал верно истолковал его реакцию.

– В дохе мы не сможем втянуть тебя в дом! – вновь прозвучал сверху его голос.

Мысленно обрував самого себя за бестолковость, Харп трясущимися руками расстегнул пуговицы и скинул доху на пол. Тело его уже настолько промерзло, что, раздевшись, он не почувствовал дополнительного холода. Обмотав конец веревки вокруг запястья, Харп дернул ее, давая понять, что готов. Веревка медленно поползла вверх. Харп висел на ней, словно замороженная туша. Пытаясь хоть как-то помочь тем, кто вытягивал его наверх, он временами пробовал оттолкнуться носками ботинок от стенок лаза, но скорее всего пользы от этого не было никакой.

Оказавшись в горизонтальном проходе, Харп протянул обе руки вперед. Марсал и старый Бисаун ухватили его за запястья и втащили в дом.

Марсал сразу же смотал веревку и прикрыл дыру в стене, из которой тянуло холодом.

– Жив? – Бисаун перевернул тело Харпа на спину.

Чуть приоткрыв глаза, Харп посмотрел на склонившегося над ним старика.

– Если и жив, то не благодаря тебе, – едва слышно пробормотал он.

Старый Бисаун усмехнулся в бороду.

– Ну, если ты еще шутить способен, значит, все не так уж плохо.

Глава 4

Помогая старику, Марсал с Халаной раздели Харпа и перенесли его на расстеленный на полу матрас.

Харп лежал, глядя в потолок, совершенно не чувствуя своего тела. Оказавшись в доме, тепла которого он пока еще не ощущал, он понял, что спасен. Все остальное было ему безразлично. Даже то, что на него, голого, смотрит женщина.

Осмотрев Харпа, старик в нескольких местах нанес на его кожу вязкую, дурно пахнущую мазь, которую он доставал ложкой из большой банки темного стекла, после чего Халана и Марсал принялись растирать ничего не чувствующее тело Харпа кусками войлока. Вполне возможно, что это были остатки старых, сношенных войлочных тапок. Бисаун тем временем присел на корточки у изголовья ложа, на котором лежал Харп, и начал обрабатывать ему лицо.

Через пару минут Харп почувствовал нестерпимую боль – словно с него живьем сдирали кожу. Вскрикнув, он попытался отвести в сторону руку Халаны, растиравшей ему грудь, но Бисаун, поймав Харпа за запястье, прижал его руку к полу.

– Лежи! – приказал старик. – Если хочешь, можешь кричать. Но не сопротивляйся. К твоему телу возвращается чувствительность. А это всегда связано с болью.

Стиснув зубы, Харп запрокинул голову назад и глухо зарычал.

– Вот так, – одобрительно похлопал его по плечу старик. – Имей в виду, что, когда начнут отходить ноги, будет еще больнее.

Бисаун оказался прав. Когда Марсал принялся растирать ему стопы, Харп не смог удержаться от крика. По счастью, как сказал старик, осмотрев ноги Харпа, обморожение было не очень сильным и все пальцы останутся целы.

После того как все процедуры были закончены, Бисаун позволил Харпу подняться. Схватив какую-то тряпку, подвернувшуюся под руку, Харп накинул ее на себя, чтобы прикрыть наготу.

– Вы что, не догадывались, что я в этой яме могу копыта отбросить? – зло глянул он на старика и Марсала.

Те удивленно переглянулись. Смысл сказанного Харпом остался для них непонятен.

– Я мог до смерти замерзнуть в этой яме, – иначе сформулировал свою мысль Харп. – Там нет места даже для того, чтобы размяться... Сколько я там просидел? Старик глянул на часы.

– Полтора часа, – сказал он. – Может, чуть больше.

– Чуть больше, – криво усмехнулся Харп. – Есть желающие побить мой рекорд?

– Но ведь ты жив, – ответил ему с примерно такой же ухмылкой Бисаун.

– Верно, – Харп подхватил с пола рубашку. – Только имей в виду, старик, в эту яму я больше никогда не полезу.

– Мы не думали, что «снежные волки» пробудут так долго. – Марсал извиняющимся жестом развел руки в стороны. – Не могли же мы вытащить тебя из ямы, когда они были здесь.

– К черту! – одеваясь, зло выругался Харп. – И «снежных волков», и весь ваш проклятый мир!

– Теперь это и твой мир, – снисходительно заметил старый Бисаун.

На мгновение задумавшись, Харп не нашел, что возразить.

– Зачем приходили «снежные волки»? – спросил он. – Им удалось отыскать наши следы?

– Нет, – покачал головой старик. – Те, что приходили к нам, даже не знают о том, что прибыл новичок. Они привезли раненых.

– Раненых?

Харп только сейчас обратил внимание, что неподалеку от того места, где ему оказывали первую помощь, на полу был расстелен еще один матрас, на котором лежал мужчина лет трид-

цати – тридцати пяти с очень бледным лицом, обросшим жидкой рыжеватой бородкой. Глаза незнакомца были закрыты, так что можно было подумать, что он спит. Однако, судя по тому, как прерывисто и неровно он дышал, человек находился в беспамятстве.

– Обычная поножовщина. – Марсал протянул Харпу кружку с кипятком. – Среди «снежных волков» такое случается нередко.

– У одного из них раны были неглубокие, – добавил Бисаун. – Я не хотел оставлять его в доме, поэтому просто подлатал, дал лекарства и отправил назад. А этого, – старик взглядом указал на лежавшего на полу «снежного волка», – пришлось оставить. Проникающее ранение брюшной полости.

– Он выживет? – поинтересовался Харп.

– Ну, вообще-то шансы выжить у него есть, – как будто с неохотой произнес Бисаун. – Ранение в левое подреберье, но желудок, как мне кажется, не задет. Парень без сознания только потому, что потерял много крови. Его приятели, сколько я их ни учил, даже не догадались наложить повязку, чтобы остановить кровотечение. Но...

Старик покачал головой. Жест его не выражал ни сомнения, ни сожаления – он просто выдерживал паузу, чтобы слова, которые он собирался произнести, звучали убедительно и веско.

– Нам все равно придется его прикончить, – закончил свою короткую речь Бисаун.

Харп в недоумении воззрился на старика. Он подумал, что ослышался или же просто что-то неверно понял.

– Ты хочешь убить его? – переспросил Харп, указав пальцем на лежавшего на полу «снежного волка».

Старик даже бровью не повел.

– У нас нет иного выхода, – ответил он так, словно речь шла о чем-то настолько обыденном, что и обсуждать не стоит.

– Да вы что здесь, все с ума посходили?!

Харп по очереди посмотрел на каждого из обитателей дома.

Халана, как обычно, безучастно смотрела куда-то в сторону, словно все происходящее не имело к ней ни малейшего отношения. Марсал в ответ на вопрошающий взгляд Харпа пожал плечами и ничего не сказал. Старый Бисаун сел за стол и, положив вытянутую руку перед собой, звучно стукнул пальцами по крышке стола. Он как будто и вовсе не услышал возмущенного возгласа Харпа.

– А где девушка? – спросил Харп, только сейчас заметив, что в доме не хватает еще одного человека. – Как ее?..

– Эниса, – напомнил старик.

– Верно, Эниса, – щелкнул пальцами Харп. – Где она?

– Ее увели «снежные волки», – ответил Марсал.

– Как это «увели»? – удивленно глянул на него Харп.

– Ну... – Марсал повторил свой излюбленный жест, разведя руки в стороны. – Велели ей одеться и забрали с собой.

– И что теперь?

– К вечеру Эниса вернется, – со спокойствием, показавшимся Харпу граничащим с безразличием, ответил Бисаун. – Это не впервой.

– Сколько их было? – тихо спросил Харп.

– Кого? – не понял Марсал.

– «Снежных волков».

– Четверо.

– Включая этого? – Харп взглядом указал на раненого, лежавшего на полу.

Марсал молча кивнул.

– Значит, всего трое, из которых один был порезан, – подытожил Харп. – И вы просто так отдали им девушку?

– А что мы могли сделать? – беспомощно развел руками Марсал.

– У вас есть ножи... – начал было Харп, но его перебил Бисаун.

Голос старика был холодным, как лед, и обжигающим, как промерзший металл.

– Сегодня их было всего трое, а завтра они нагрянут в наш дом всей своей бандой. Что тогда прикажешь делать? Снова хвататься за ножи? Или, может, лучше самим зарыться в снег, потому что именно так и поступят с нами «снежные волки», если мы поднимем руку хотя бы на одного из них?

Харп пристыженно прикусил губу. Он понял, что, погорячившись, сморозил глупость. Но в то же время он не мог смириться с той покорностью, с которой старый Бисаун и Марсал готовы были отдать «снежным волкам» все, что угодно, ради спасения своей жизни.

– А как же этот? – взглядом указал он на «снежного волка», в беспамятстве лежавшего на полу. – Ты сказал, что мы должны убить его.

– Я сказал «снежным волкам», что их товарищ очень плох и скорее всего не выживет. – Голос старого Бисауна вновь звучал спокойно и ровно. – Поэтому они не удивятся, узнав, что он умер. Если же я начну его выхаживать, он увидит тебя и расскажет своим приятелям, когда те придут его проведать. Так что выбор прост: его жизнь в обмен на твою.

– И ты хочешь, чтобы этот выбор сделал я? – косо посмотрел на старика Харп.

– У нас еще будет время поговорить, – с беспечным видом махнул рукой Бисаун. – Это даже хорошо, что «снежные волки» уже побывали у нас: теперь, начав поиски пропавшего новичка, они явятся сюда в последнюю очередь, не раньше завтрашнего полудня.

Харп хотел было что-то ответить, но старик, опередив его, громко крикнул:

– Халана!

Женщина медленно обернулась.

Харп обратил внимание на то, что все ее движения были очень неторопливыми, как будто заторможенными, – в них не присутствовало ни изящества, ни плавной грациозности, присущей большинству женщин.

Подумав, Харп удивился собственным мыслям: он не мог вспомнить ни одной женщины, с которой был когда-либо знаком, но при этом рассуждал, словно заправский знаток по женской части. Происходящее вновь стало казаться Харпу похожим на дурной затянувшийся сон, в котором знакомые образы трансформировались в нечто совершенно нереальное, а сознание балансировало на узкой грани между попытками отыскать всему рациональное объяснение и стремительным сползанием в полный, безостановочный бред. При этом Харп был уверен, что это не сон. Скорее уж некая иная реальность, о существовании которой он прежде даже не подозревал.

– Пора есть, Халана, – сказал Бисаун.

Халана подняла с пола большую алюминиевую кастрюлю и поставила ее на плоскую крышку металлического котла с отведенными в стороны трубами. Вытянув из-за котла бидон, в который она незадолго до этого вылила свежую закваску Харпа, женщина большим половником перемешала его содержимое и затем часть перелила в кастрюлю. Оттуда послышалось шипение, будто кастрюля стояла на раскаленной плите.

– Присаживайся, – посмотрев на Харпа, старик указал рукой на табурет, стоявший по другую сторону стола.

Харп сел на указанное место и выжидаяще взглянул на старого Бисауна. Слева от него опустился на тихо скрипнувший табурет Марсал.

– Не торопись принимать необдуманные решения, – произнес старик, глядя Харпу в глаза. – Тебе многое надо узнать о мире, в котором теперь тебе предстоит жить.

– Так расскажи мне о нем, – ответил Харп, не отводя глаз в сторону.

- Что ты хочешь узнать в первую очередь? – поинтересовался Бисаун.
- Все, что тебе известно о тех, кто переправляет нас сюда, – ответил Харп.
- Об этом я ничего не знаю, – покачал головой Бисаун.

– Но совсем недавно ты сказал, что те, кто посылает в этот мир новичков, непременно снабжают каждого бутылкой со свежей закваской, – напомнил Харп.

– Верно, – не стал отпираться старик. – И не только закваской, но и многими другими вещами, без которых выжить в мире вечных снегов невозможно. Очевидно, кто-то заботится о том, чтобы дать нам шанс, но при этом не пытается сделать нашу жизнь легкой и беззаботной. Но кто, как и зачем это делает, мне неизвестно. Так же, как ничего не известно об этом ни Марсалу, ни Халане, ни Эннису, ни кому-либо другому в этом мире. Тот, кто посылает нас сюда, не считает нужным снабжать нас хоть какой-то информацией на сей счет.

– В таком случае какой в этом смысл? – недоверчиво прищурился Харп.

– А какой смысл в том, что ты вообще живешь? – Бисаун улыбнулся одними губами.

Взгляд его при этом остался холодным, и смотрел он на Харпа с явным неодобрением. Задал он этот вопрос вовсе не для того, чтобы получить ответ, которого, как был уверен старик, не было и быть не могло. В соответствии с его пониманием человек, являющийся в мир не по собственной воле и исчезающий из него так же внезапно, без каких-либо на то оснований, оставляя после себя лишь быстро разлагающийся труп, не властен не только над своей судьбой, но даже над мелкими, кажущимися совершенно незначительными ее проявлениями. Думая, что он живет, человек на самом деле двигается по узкому лазу. Вроде того, что оставляет после себя снежный червь.

Да, именно так! Если бы старому Бисауну нужно было предъявить символический образ некоего творца или создателя, предопределяющего судьбу как отдельно взятого человека, так и всего мира в целом, он использовал бы для этого снежного червя, который роет свои лазы, не думая, что по ним предстоит пробираться кому-то еще. А человек идет по лазу, надеясь найти что-то необычное, но вокруг него только ледяные стены. Он вынужден делать поворот там, где лаз сворачивает в сторону, или спускаться вниз в тех местах, где пол лаза идет под уклон. Выбор пути от него не зависит – он может двигаться лишь в том направлении, куда ведет лаз. Конец пути у каждого свой, но уже предначертанный тем, кому известны все законы мироздания. Кто-то упирается в ледяную стену, садится возле нее и, понимая, что жизненный путь на этом заканчивается, тихо ждет своего конца. На голову других внезапно обрушивается лавина снега и льда, из-под которой уже невозможно выбраться. Должно быть, именно такой бессмысленный и преждевременный, но неотвратимый в своей предопределенности конец настиг и Татауна.

– Если ты рассчитываешь когда-нибудь выбраться отсюда, лучше сразу забудь об этом, – посоветовал новичку старик, чьей мудрости и опыта хватало для того, чтобы давно уже ни на что не надеяться. – Все, кто приходил в этот мир с подобными мыслями, плохо кончили.

– Например? – Харп откинулся было назад, но вовремя вспомнил, что он сидит на табурете, у которого нет спинки.

Это произвольное движение явилось еще одним напоминанием о прошлой жизни, когда Харпу приходилось сидеть не на табуретах, а на стульях, которых в доме старого Бисауна не было.

– Например, Татаун, – ответил старик. – Он считал, что за западными горами лежит земля с более мягким климатом, чем здесь.

– У него имелись основания так считать? – тут же спросил Харп.

– Каждому человеку нужно во что-то верить, – усмехнулся старик. – Одни верят в создателя, который, населив этот мир людьми, когда-нибудь обогреет его, другие верят в то, что мир вечных снегов – это то место, куда люди попадают за грехи, совершенные в иной жизни. Татаун верил в теплые земли, лежащие за западными горами.

– Почему же он не ушел туда?

Старый Бисаун только усмехнулся в бороду – от иных новичков ему доводилось слышать и куда более глупые вопросы.

– За день до гор не добраться, – объяснил Харпу Марсал. – А ночью на улице холоднее, чем в яме, где ты полтора часа едва выдержал.

– Можно потеплее одеться, – попытался возразить Харп. – Кроме того, когда человек находится в движении...

– Интересно, как долго ты можешь идти без остановки? – не дослушав, перебил Бисаун. Старик даже не пытался скрыть издевки, звучащей в его голосе. – Ночь длится сорок восемь часов. А другой одежды, кроме той, что на тебе, ты не достанешь.

– Была у Татауна одна задумка... – неуверенно начал Марсал.

– Глупости все это! – не дал договорить старик. – Татаун сам не знал, что говорил!

Марсал пристыженно умолк.

К столу подошла Халана с тремя глубокими мисками в руках. Молча поставив миски перед мужчинами, она вернулась к котлу, взяла еще одну миску для себя и, все так же не произнося ни слова, скрылась за пластиковым занавесом.

Миски были до краев наполнены теплой кашецеобразной массой довольно-таки неаппетитного серо-коричневого цвета, в которой плавали крупные ягоды красницы. Взяв ложку, Харп осторожно попробовал предложенную пищу. Каша была пресной и почти безвкусной. Чуть кислостый вкус придавали ей ягоды красницы.

– Ну как? – Марсал с интересом посмотрел на Харпа.

– Вообще-то ничего, вполне съедобно, – с удовлетворенным видом кивнул Харп. – Только очень уж пресно – неплохо было бы соли добавить.

Бисаун и Марсал недоумевающе переглянулись.

– Еще одно твое бесполезное воспоминание, – ворчливо заметил старик, неодобрительно глянув на Харпа.

Харп не стал спорить, а принялся за еду. Он давно уже чувствовал голод, а потому необычный вид и вкус пищи не стали для него помехой тому, чтобы быстро управиться со своей порцией.

– А почему Халана не села с нами за стол? – спросил Харп уже после того, как миска его опустела.

– Женщины не едят за одним столом с мужчинами, – назидательным тоном произнес Бисаун.

– Это почему же? – удивленно вскинул брови Харп.

– Потому что мужчины добывают пищу и защищают дом, а женщины только готовят еду.

– Ну, как вы защищаете свой дом, я уже понял, – усмехнулся Харп. – А еду вы, похоже, добываете только из того бака, в который Халана вылила закваску.

– Я сегодня принес мешок красницы! – Марсал обиженно глянул на Харпа.

– Извини. – Харп прижал ладонь к груди, но в жесте его было не меньше насмешки, чем в словах. – Ты и в самом деле не зря ешь свою кашу.

– Ты собираешься учить нас, как жить? – холодно осведомился Бисаун.

– Нет. – Харп покачал головой на этот раз с вполне серьезным видом. – Просто когда я вижу, что люди совершают глупость, я считаю своим долгом указать им на это.

– Мы примем твое мнение к сведению, – слегка наклонил голову старый Бисаун.

По всему было видно, что вызывающее поведение новичка, со стороны которого он ожидал уважения и покорности, старику не нравилось.

– Я вижу, ты уже почти жалеешь о том, что оставил меня в своем доме? – Харп, чуть прищурившись, с вызовом поглядел на Бисауна.

– А я смотрю, ты, как только немного согрелся, так сразу же начал дерзить, – с плохо скрытым раздражением ответил старик.

– Не обижайся, старик. – Харп улыбнулся вполне дружелюбно, но даже без намека на извинение или хотя бы раскаяние. – Думаю, я и сам долго у вас не задержусь.

– Ты хочешь уйти к «снежным волкам»? – Марсал недоуменно и растерянно взглянул на Харпа.

Если это так, то, спрашивается, чего ради были все его старания?

– Не думаю, – покачал головой Харп. – Мне не по душе компания, в которой принято запросто резать друг друга ножами и силой уводить с собой девиц. Но мне не по нраву и те, кто с равнодушием или, того хуже, с покорностью относятся к подобным выходкам.

– Куда же ты собираешься идти? – удивленно вскинул брови Марсал.

– Пока еще не знаю, – небрежно махнул рукой Харп. – Может, к тем горам, через которые собирался перемахнуть Татаун. Похоже, он-то как раз был человеком; жалко, что я его не застал.

– Ты кончишь так же, как Татаун, – подняв указательный палец, пророческим тоном изрек Бисаун.

– Ох, и недобрый же ты старик, – с укором покачал головой Харп. – Я еще ничего даже не начал делать, а ты уже пророчишь мне конец.

– Для этого не нужно быть провидцем, – ответил Бисаун. – Тех, кому в нашем мире не выжить, легко узнать.

– Каким же образом?

– По блеску в глазах. Это первый признак приближающейся снежной слепоты.

Харп негромко хмыкнул и дернул подбородком, как будто воротник свитера слишком сильно давил ему на горло.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом? – неожиданно предложил Бисаун.

– Давай, – с готовностью согласился Харп. – Скажи мне, откуда в доме тепло и свет?

– Теплогенератор, – старик взглядом указал на большой металлический котел, от которого тянулись трубы, оплетающие комнату.

– На чем он работает?

– Не знаю, – покачал головой старик. – Система теплогенератора абсолютно герметична.

– И тебе никогда не хотелось узнать, что там у него внутри? – Харп даже не попытался скрыть своего удивления.

Старый Бисаун взглядом переадресовал вопрос Харпа Марсалу.

– Как-то раз один чужак, живший неподалеку от нас, решил вскрыть котел теплогенератора, чтобы выяснить, как он работает, – сообщил Марсал. – Рвануло так, что на месте дома только воронка глубоченная осталась.

– А свет? – Харп взглядом указал на круглую лампу под потолком.

– К лампе тоже идет проводка от теплогенератора.

– А когда лампа перегорает, где вы берете новую?

– Лампа никогда не перегорает.

– Ну, хорошо, а если, допустим, я ее разобью?

Марсал с сомнением посмотрел сначала на лампу, затем на Харпа.

– Чтобы поступить так, нужно быть полным идиотом, – не очень уверенно произнес он и перевел взгляд на старого Бисауна, ища у него поддержки.

– В вашем мире нет идиотов? – со скрытой насмешкой поинтересовался Харп.

– Это все, что тебя интересует? – недобро глянул на него старик.

Харп сделал быстрое движение рукой, давая понять, что это была всего лишь шутка.

– Кто построил дома? – задал он новый вопрос.

– Дома всегда стояли на своих местах, – ответил старик.

– И в них всегда были свет и тепло, – сделал закономерный вывод Харп.

Подтверждая его слова, старый Бисаун молча наклонил голову.

– Послушайте, ребята, – откинувшись назад и чуть наклонив голову к плечу, Харп с показным восторгом глянул на обоих своих собеседников. – Вы здорово устроились: живете на всем готовеньком. А чем вы вообще здесь занимаетесь?

Марсал как-то неопределенно дернул уголком рта: собирался то ли усмехнуться, то ли скривить презрительную гримасу. Возможно, он хотел что-то сказать, но, подумав, решил, что лучше предоставить старому Бисауну право ответить на вопрос Харпа.

Старик произнес только два слова:

– Пытаемся выжить.

– А, собственно, чего ради?

На этот вопрос Харпа уже никто не ответил. Не смогли или не захотели – кто знает.

Глава 5

– Там.

Рукой указав направление, Марсал передал Харпу полоску черного пластика с прорезанной в ней щелью.

Харп поднял на лоб солнцезащитные очки и приложил полоску прорезью к глазам. Сияние снегов сразу же сделалось не таким резким и нестерпимым для глаз. В том направлении, куда указывал Марсал, Харп смог различить на абсолютно ровном белом фоне несколько небольших темных вкраплений.

– Сколько до них? – спросил Харп.

Сам он пока еще с трудом определял расстояние до того или иного объекта, не имея поблизости никаких других ориентиров.

– Километров пять, – ответил Марсал.

– Это тот самый поселок, жители которого не желают ни с кем знаться? – еще раз уточнил для верности Харп.

– Ага, – рассеянно кивнул Марсал и посмотрел по сторонам с таким видом, словно боялся, что кто-нибудь может незаметно подкрасться к ним.

Вокруг расстилалась бескрайняя снежная пустыня, ровная, как туго натянутая простыня, и то, как настороженно вел себя Марсал, показалось Харпу странным.

– Тебя что-то беспокоит? – спросил он у своего провожатого.

– Дальше я с тобой не пойду, – глядя куда-то в сторону, сказал Марсал. – Я обещал Бисауну, что проверю, насколько сместились за пятидневку вешки, по которым он рассчитывает скорость сползания континентального льда в Замерзшее море.

– Зачем ему это? – удивленно приподнял бровь Харп.

– Не знаю, – пожал плечами Марсал. – Наверное, просто чтобы не сойти с ума. Мы все здесь придумываем для себя какое-нибудь занятие.

– Зачем? – вновь повторил свой вопрос Харп.

Прежде чем ответить, Марсал, глядя под ноги, сделал шаг в сторону, придавив неровной решеткой снегоступа свежий, всего пару часов назад выпавший снег, белый, пушистый и мягкий, словно неуловимо короткий отрезок сна за миг до пробуждения.

– Когда чем-то занимаешься, то и дни тянутся не так долго. – Марсал поднял голову и посмотрел на своего спутника взглядом, который иначе как обреченным не назовешь.

– А чем занимаешься ты? – поинтересовался Харп.

– Я изучаю снежных червей, – сказав это, Марсал смущенно потупился и быстро добавил: – Вернее, это Татаун занимался изучением снежных червей. А я ему помогал.

– Достойное занятие, – презрительно усмехнулся Харп.

– Ты этого пока еще не понимаешь. – Марсал с обидой взглянул на Харпа. – Ты слишком мало здесь прожил.

– Даже слепому не потребовалось бы много времени, чтобы уяснить, что здесь у вас происходит, – процедил сквозь зубы Харп.

– Что ты имеешь в виду?

– А, ты и сам все прекрасно понимаешь, – небрежно махнул рукой Харп.

– Послушай, Харп...

– Не пытайся обманывать самого себя, – резко, почти грубо перебил Харп. – Вы здесь не живете и даже не выживаете, как сказал старик, а медленно вымираете. Занимаетесь какой-то ерундой вместо того, чтобы попытаться понять, чего ради все мы здесь оказались. И знаешь почему?..

Харп сделал паузу и, не дождавшись ответа, сам ответил на поставленный вопрос:

– Потому что все вы боитесь, что действительность может оказаться страшнее ваших фантазий!

Марсал растерянно развел руками.

– Я никогда не думал об этом.

– Ну так подумай хоть сейчас. Хоть раз подумай своей головой. Поменьше слушай старика. Он умный мужик, но часто говорит совсем не то, что думает.

– Старый Бисаун... – Марсал быстро-быстро затряс головой. – Нет... Нет, он никому не желает зла!

– И себе в первую очередь. – Харп усмехнулся. – Он отлично устроился! «Снежные волки» его не трогают, потому что он их лечит. Ну а то, что они время от времени берут у него напрокат женщин, так это старика не сильно беспокоит: самому-то ему женщины нужны только в качестве кухарок да домашних работниц. Однако, чтобы справиться со всей тяжелой работой по дому, требуется еще пара крепких молодых мужчин. Вот старик и изображает из себя благодетеля: вроде как только он один может спасти нас с тобой от «снежных волков», дать кров и еду. Но главная его задача – не допустить, чтобы тебе или мне вдруг пришло в голову уйти из дома.

Марсал поджал губы и медленно покачал головой.

– По-моему, ты не совсем прав...

– А, ладно, не будем об этом, – махнул рукой Харп. – Так ты идешь со мной?

– Нет, – без колебаний отказался Марсал. – И тебе не советую туда ходить.

– Это я уже слышал, – усмехнулся Харп. – Сколько у меня времени до наступления темноты?

Марсал, прищурившись, посмотрел на солнце, похожее на небрежный мазок желто-коричневой краски, застывшее возле самого горизонта.

– Часов шесть-семь, не больше.

– Послушай, а у вас нет других часов, помимо тех, что висят дома на стене? – поинтересовался Харп. – Такие, чтобы можно было носить в кармане?

– Иногда новички приносят с собой небольшие часы с браслетами, – ответил Марсал. – Но это большая редкость, а значит, и ценность немалая. Обычно все часы забирают «снежные волки».

– Понятно, – коротко кивнул Харп. – Когда будет время, расскажешь мне, что еще интересного имеется у «снежных волков».

Приняв слова Харпа за очередную насмешку, Марсал ничего не ответил.

– Ну ладно, давай иди, занимайся своими вещками. – Харп поправил солнцезащитные очки на глазах и, более не обращая на Марсала никакого внимания, зашагал в направлении стоявших невдалеке домов.

Глядя ему вслед, Марсал отметил, что новичок быстро освоил технику хождения на снегоступах. И еще он подумал, что если бы Харп не был столь вызывающе дерзким, не ставил бы под сомнение все и вся и не пытался бы все время действовать наперекор тем советам, что давали ему более опытные и знающие люди, у него были бы неплохие шансы выжить в мире вечных снегов. А так...

Подумав, Марсал решил, что если сегодня Харп вернется живым из поселка на юге, откуда с позором бежали даже «снежные волки», тогда он, быть может, и в самом деле задумается над тем, что говорит этот странный новичок.

Харп же шагал вперед, не подозревая о том, какие зерна сомнения заронил он в душу Марсала. Да, сказать по чести, у него ничего подобного даже на уме не было. Он пока еще слишком мало знал Марсала, чтобы составить какое-то определенное мнение об этом обитателе хибары старого Бисауна. Но ему было неприятно смотреть, как беззастенчиво старик, бесспорно превосходно умеющий разбираться в людях, использует психологическую незащи-

ценность Марсала, его открытость и простоту в собственных интересах. Марсал вовсе не был рохлей бесхребетной, и, если бы Бисаун попытался открыто отдавать ему приказы, он непременно взбунтовался бы. Однако он признавал за стариком право принимать окончательное решение по любому вопросу, поскольку считал Бисауна мудрее, прозорливее и дальновиднее себя. Что было тому причиной, судить сложно, не зная всех тонкостей давних взаимоотношений Марсала и старого Бисауна.

Погода, которая утром была солнечной и ясной, под вечер испортилась. Стало заметно холоднее, и Харп чувствовал, как саднят обожженные морозом щеки. Небо затянули серые тучи, сыпавшие мелким колючим снегом. Харпу то и дело приходилось останавливаться, чтобы протереть очки, – теперь они защищали глаза не столько от ослепительной белизны, сколько от летящей в лицо снежной крупы.

Харп шагал по снегу не менее получаса, пока не увидел, как от домов, которые теперь уже имели вполне четкие очертания, отделились три человеческие фигуры.

Решив, что лучше встретиться с хозяевами таинственного поселка на нейтральной территории, Харп тем не менее останавливаться не стал – двигавшаяся навстречу ему троица могла истолковать это как проявление нерешительности или даже страха, – но чуть замедлил шаг. Пусть незнакомцы думают, что он просто устал.

Харп остановился только тогда, когда расстояние между хозяевами поселка и гостем сократилось метров до пятидесяти. Теперь он мог как следует рассмотреть этих людей. Вся троица была одета точно так же, как и сам Харп: темно-коричневые дохи, ватные штаны, шапки из искусственного меха с застегнутыми под подбородком клапанами, высокие ботинки да снегоступы. Одинаковые черные бороды с едва заметной проседью, длинные волосы, местами выбивающиеся из-под шапок, и темные солнцезащитные очки на глазах делали их и вовсе неотличимыми друг от друга.

Бородач, двигавшийся по центру, остановился в метре от Харпа. Двое других, не приближаясь, обошли его с разных сторон. Положение, которое заняли хозяева, обеспечивало им стратегическое преимущество: Харп не мог видеть всех троих одновременно – в какую бы сторону он ни смотрел, кто-нибудь один непременно оказывался вне поля его зрения.

– Кто ты такой? – обратился к Харпу находившийся по центру бородач.

Голос незнакомца звучал ровно, без напряжения. В нем не было слышно ни угрозы, ни вызова. И все же Харпу совершенно не понравилось начало разговора. Это было не предложение познакомиться, а требование отвечать на поставленный вопрос. Человек, задавший его, просто не привык к тому, чтобы его слова оставались без внимания.

Харп решил раньше времени не лезть в бутылку и просто назвал свое имя:

– Харп.

– Харп, – повторил следом за ним бородач. – Что это значит?

– Это мое имя, – объяснил Харп.

– Ты новичок. – Голос бородача, находившегося по правую руку от Харпа, прозвучал так же ровно и бесстрастно, как и у первого говорившего. – Откуда у тебя имя?

Ну, то, что Харп новичок, догадаться было нетрудно: в отличие от остального мужского населения мира вечных снегов, у него пока еще не было бороды, и кожа на лице еще не задубела от мороза, а покрылась розовыми пятнами на местах обморожения.

– Имя мне дал старый Бисаун.

Сказав это, Харп поднял очки на лоб, надеясь, что его собеседники поступят так же: он испытывал неудобство, разговаривая с людьми, глаз которых не видел. Однако жест его остался незамеченным.

– Я не знаю никакого Бисауна, – сказал тот, что стоял слева от Харпа.

Двое других при этом никак не выразили своего отношения к словам товарища.

Было странно слышать, как трое человек поочередно произносят фразы так, словно их продумывал один человек. У Харпа складывалось впечатление, что либо троица заранее подготовилась к разговору с незванным гостем, договорившись, кому и в каком порядке следует задавать вопросы, либо бородачи обладали способностью понимать друг друга без слов.

– Это там, на севере. – Харп указал себе за спину. – Не так далеко, часа три ходьбы.

– Ты живешь там? – спросил тот, что справа.

– Старый Бисаун на время приютил меня в своей хибаре, – ушел от прямого ответа Харп.

– Зачем ты пришел сюда? – спросил бородач, стоявший в центре.

Харпа начала раздражать необычная манера хозяев вести беседу. Вместо того чтобы ответить на заданный вопрос, Харп решил напомнить бородачам о правилах хорошего тона:

– Послушайте, я назвал вам свое имя, а вы пока еще не представились.

– Я – Первый, – сказал находившийся в центре бородач.

Имя было не совсем обычным. Но Харп только чуть приподнял левую бровь, никак более не выказав своего удивления.

– А как твое имя? – посмотрел он на того, что находился слева от него.

Бородач в точности повторил то же, что сказал его предшественник:

– Я – Первый.

Понятно, – с равнодушным видом, будто не происходило ничего необычного, кивнул Харп. – Ты, надо полагать, тоже Первый? – спросил он у третьего бородача.

– Первый, – подтвердил его догадку бородач, стоявший справа.

– Вы, мужики, часом, не братья? – спросил на всякий случай Харп.

Бородач, первый назвавшийся Первым, отрицательно качнул головой.

– Понятно, – снова кивнул Харп, хотя ровным счетом ничего не понял.

– Зачем ты пришел? – повторил вопрос бородач, стоявший слева от Харпа.

Харп уже и не помнил, он ли задал этот вопрос впервые или кто-то другой из Первых. Похоже, для них самих это не имело ровным счетом никакого значения.

– Я просто хотел поговорить, – ответил Харп, глядя на того, что стоял в центре.

– Поговорить? – прозвучал голос справа. – О чем ты хочешь говорить?

– У меня много вопросов. – Харп сдернул с руки перчатку, провел ладонью по лицу, стирая налипшую снежную крупу, и как бы между прочим заметил: – Погодка сегодня не очень.

– Почему ты считаешь, что я стану отвечать на твои вопросы? – спросил бородач, стоявший по центру.

– Ну, в конце концов, мы могли бы просто поболтать...

– О чем? – прозвучал вопрос слева.

– Вам не интересно знать, как живут люди по соседству с вами?

Вопрос справа:

– Почему меня должно это интересовать?

– Отлично. – Харп хлопнул в ладоши и развел руки в стороны. – Почему бы вам в таком случае не рассказать мне о себе?

Вопрос из центра:

– Ты хочешь стать Первым?

– Первым? – Харп удивленно посмотрел на задавшего вопрос бородача. – Возможно. Но пока я даже не знаю, что значит быть Первым.

Ответ справа:

– Стать Первыми – значит подняться на более высокую ступень развития, чем та, на которой находятся люди.

– Но разве Первые не люди?

Ответ слева:

– Люди – это строительный материал. Первый – это наивысшая ступень эволюции.

– И любой человек по собственному желанию может стать Первым?

Ответ из центра:

– Первым можно стать, только если того пожелает Первый.

– Так, секундочку...

Харп почувствовал, что игра в вопросы и ответы, навязанная бородачами, завела его в тупик, поэтому он решил сделать паузу и подойти к проблеме с другого конца:

– Сколько человек живет в вашем поселке?

– Двадцать три, – ответил бородач, стоявший справа. – Но должно быть двадцать четыре.

Одного не хватает. Ты пришел как раз вовремя.

Последнее замечание бородача Харп решил временно оставить без внимания.

– И все, кто живет в поселке, Первые? – спросил он.

– Первый – только один, – ответил бородач, стоявший прямо перед Харпом.

– Что-то я вас не понимаю. – Харп сосредоточенно сдвинул брови к переносице. – Несколько минут назад каждый из вас назвался Первым. А теперь вы уверяете, что Первый существует только в единственном лице. В конце-то концов, кто такой этот Первый?

– Первый – тот, кто явился в этот мир, когда в нем не было ничего, кроме снега, – последовал незамедлительный ответ слева.

– Когда это произошло? – тут же спросил Харп.

– Семь лет назад, – ответил тот, что стоял по центру.

– И он все еще жив?

– Первый будет жить вечно, – ответил бородач справа.

Харп на секунду прикрыл глаза, пытаясь понять, о чем идет речь.

– Еще один вопрос, – сказал он, взглянув на бородача, стоявшего слева от него. – Первый – это человек?

– Первый – это высшее существо, – ответил бородач, стоявший по левую руку от Харпа.

Харп развернулся в сторону говорившего:

– Первый появился в этом мире так же, как и остальные?

– Да, – ответил тот, что стоял по центру. – Но он был Первым.

– И ему известна причина происходящего?

– Первому известно многое, но не все, – ответил бородач слева. – Все известно только Сущему.

– Кто такой Сущий?

Ответ из центра:

– Тот, кому известна первопричина.

– Сущий находится среди вас?

Ответ справа:

– Сущего нет в этом мире. Он господствует над ним.

– Я могу поговорить с Первым?

Ответ слева:

– Ты с ним сейчас разговариваешь.

Харп посмотрел поочередно на каждого из своих собеседников.

– Кто из вас Первый?

– Я, – ответил тот, что стоял прямо перед Харпом.

– Я, – сказал следом за ним тот, что стоял слева.

– Я, – в один голос с ним произнес тот, что стоял справа.

– Отлично, мужики. – Харп хлопнул в ладоши и вяло усмехнулся. – Отличная шутка.

Можете считать, я оценил ваше чувство юмора.

Сказав это, он опустил на глаза очки, чтобы собеседники не увидели в них раздражения.

– Мы треплемся здесь уже битых полчаса. Я думал, что мы пытаемся наладить плодотворный диалог, а оказывается, все это время вы морочили мне голову? Вам что, больше заняться нечем?

– Ты ошибаешься, – произнес тот, что стоял в центре.

– Наверное, ты что-то не так понял, – добавил тот, что слева.

– Ну, так объясните, черт возьми! – раздраженно и требовательно взмахнул рукой Харп. – Кто тут у вас Первый?

– Разговаривая с любым из нас, ты ведешь беседу с Первым, – ответил тот, что стоял по центру.

– Ты сможешь получить ответы на все свои вопросы, когда сам станешь Первым, – добавил бородач слева.

– То есть я должен поселиться в одном из ваших домов? – уточнил Харп.

– Ты должен стать Первым, – поправил его голос справа.

Харп безнадежно и почти уже обреченно покачал головой.

– Давайте-ка еще раз, все с самого начала, – сказал он. – В вашем поселке живут двадцать три человека. Так?

– Одного не хватает, – заметил бородач слева.

– И все они Первые? – спросил Харп, оставив последнее замечание без внимания.

– Все они – Первый, – поправил тот, что стоял по центру.

– Первый – это сверхсущество, включающее в себя двадцать четыре здоровые человеческие особи, – добавил бородач слева.

Только сейчас Харп наконец-то начал понимать, что происходит в поселке бородачей. Единый общественный организм, включающий в себя два с лишним десятка человеческих особей, каждая из которых не мыслит собственного существования вне общей колонии. Это превосходно объясняло то, почему окончился неудачей налет на поселок «снежных волков». Жизнь отдельного индивида не имела значения, когда речь шла о выживании всей колонии. К тому же, если между обитателями колонии существовала телепатическая связь, они могли легко перестраивать свою оборону, нанося удар по нападающим на том участке, где те менее всего этого ожидали.

Колония подобного типа обладала несомненными преимуществами для выживания в экстремальных условиях мира вечных снегов. Однако сама мысль о возможности утраты собственной индивидуальности, с тем чтобы дать шанс выжить некому сверхсуществу, родившемуся в результате слияния множества личностей, показалась Харпу настолько абсурдной и дикой, что он от всей души порадовался тому, что, когда он только появился в этом мире, его нашел Марсал, а не кто-нибудь из колонии на юге. И в то же время сам факт существования подобного, в высшей степени необычного общественного образования показался Харпу настолько удивительным, что он на время забыл, чего ради направлялся в поселок бородачей. Вместо того чтобы спросить о том, что его по-настоящему интересовало – известно ли Первому, как и откуда попадают люди в мир вечных снегов и существует ли путь обратно, – Харп задал вопрос совершенно на другую тему:

– Почему Первый включает в себя только двадцать четыре человеческие особи?

Самому ему казалось, что в данной ситуации должен действовать принцип: чем больше – тем лучше.

– Двадцать четыре – оптимальное число, – ответил бородач, стоявший прямо напротив Харпа. – Первый пришел к нему экспериментальным путем. Больше число индивидов делает колонию трудноуправляемой, меньшее может поставить ее перед угрозой полного уничтожения в результате вспышки эпидемического заболевания, стихийного бедствия или нападения врагов.

– Значит, когда кто-то из двадцати четырех умирает или погибает, его место должен занять новый индивид?

Чувствуя, что пальцы на ногах начинают подмерзать, Харп переступил с ноги на ногу. Он полагал, что беседу можно было бы продолжить и в доме, но хозяева пока не приглашали его в гости, а напрашиваться самому было как-то неудобно. Особенно с учетом того, что ему стало известно о необычном устройстве колонии. Вполне возможно, присутствие в поселке чужого могло быть на некоем подсознательном уровне воспринято единым общественным организмом колонии как акт агрессии, и трое бородачей, зная об этих последствиях, решили переговорить с гостем на некотором отдалении от центра колонии.

– Замена происходит и по мере поступления новых здоровых особей, если в том существует необходимость, – ответил бородач, стоявший слева от Харпа.

– Первый предпочитает не задерживать в колонии старые и больные особи, если появляется возможность заменить их на новые, – добавил тот, что справа.

– К тому же каждая новая особь – это источник новой информации и уникального жизненного опыта, которые становятся собственностью Первого, – подвел итог бородач, стоявший по центру.

– Выходит, Первый как самостоятельная личность практически бессмертен? – спросил, обращаясь к последнему говорившему, Харп.

– Первый жив до тех пор, пока остается жив хотя бы один из двадцати четырех представителей колонии, – ответил ему голос слева.

– А что происходит с теми, кто покидает колонию?

На мгновение возникла странная пауза. Никто из троицы бородачей не брался ответить на заданный Харпом вопрос. Трудно было понять, то ли они не знали ответа, то ли просто не понимали, о чем их спрашивают.

Наконец тот, что стоял слева, медленно и как будто несколько нерешительно произнес:

– Никто и никогда не покидает колонию.

– Постойте. – Харп вскинул руку в протестующем жесте. – Вы только что сказали, что в колонии регулярно происходит замена старых особей на новые. Я так понимаю, каждый новичок, которого вам удастся отыскать, становится членом колонии. Я хочу знать, что происходит с тем, кто вынужден уступить новичку свое место?

– Никто не покидает колонию, – повторил слова своего приятеля бородач, стоявший справа. – Особи, признанные негодными для дальнейшего существования в качестве члена колонии, становятся источником протеина для оставшихся.

– Источником протеина? – непонимающе повторил Харп. – В каком смысле?

– Мы употребляем их в пищу, – с невозмутимым спокойствием ответил на вопрос бородач, стоявший в центре.

Должно быть, выражение омерзения, появившееся на лице Харпа, было столь явным, что бородач, стоявший по левую руку от него, счел нужным добавить:

– В этом нет ничего предосудительного. Колонист, переставший быть частью Первого, утрачивает возможность к самостоятельному существованию.

– А тебе не кажется, что это гадко? – с презрением глянул на говорившего Харп. – С точки зрения Первого, это даже не каннибализм, а самоедство какое-то... Все равно что поедать собственные испражнения.

– Мы живем в суровом мире, – невозмутимо ответил Харпу тот, что стоял слева. – Поэтому я вынужден в первую очередь принимать в расчет не столько категории морали и нравственности, сколько чисто практические соображения, связанные с проблемой выживания меня как личности, обладающей уникальным опытом и колоссальными знаниями.

– Ты знаешь, – Харп повернулся налево, – на мой взгляд, ссылка на собственные шкурные интересы – далеко не самое лучшее оправдание, о чем бы ни шла речь. – Харп поднял руку,

дабы предупредить возможные возражения со стороны Первого, которые, однако, не последовали. – Но это только мое мнение. Если ты считаешь, что все делаешь правильно, можешь продолжать в том же духе, я тебе не судья. Я просто хочу задать несколько вопросов. Получив на них ответы, я уйду.

– Ты будешь знать все, когда станешь Первым. – Бородач, стоявший напротив Харпа, произнес эту фразу так, словно все, что касалось данного вопроса, было уже неоднократно обговорено и согласовано.

– Нет, ребята. – Харп, усмехнувшись, покачал головой. – Такой вариант меня не устраивает. Вы у себя в колонии можете творить все, что заблагорассудится, но лично я не имею привычки закусывать человечинной.

– В колонии осталось двадцать три особи, – подал голос бородач слева. – Ты пришел как раз вовремя, чтобы занять свободное место.

– Нет. – Харп сделал протестующий жест и снова усмехнулся. На этот раз усмешка у него получилась кривая и немного натянутая, словно он только хотел продемонстрировать свою беспечность.

– У тебя нет выбора. – Бородач, стоявший прямо напротив Харпа, сделал шаг по направлению к нему. – Здесь решения принимает Первый.

– Я вижу, ребята, мы с вами не сталкиваемся. – Цепляясь за снег задниками снегоступов, Харп попятился назад, стараясь держать в поле зрения всех троих, для чего ему приходилось постоянно вертеть головой из стороны в сторону. – Я, пожалуй, лучше пойду...

Не говоря более ни слова, бородачи кинулись на Харпа.

Его спасло лишь то, что на свежесвыпавшем снегу движения людей со снегоступами на ногах были не столь быстрыми, как если бы они находились на ровной, утопанной площадке, обутые только в ботинки. Харп даже не попытался убежать.левой рукой он рванул в сторону полу дохи – на снег полетели оторвавшиеся пуговицы, – а правой одним движением выдернул из-за пояса полуметровый металлический прут толщиной в палец. Не прерывая начатого движения, он ударил прутом поперек лба находившегося справа бородача. Удар на встречном движении получился сильным, и если бы не шапка, смягчившая его, противник рухнул бы на землю как подкошенный. А так он лишь обхватил обеими руками голову и, упав на колени, ткнулся лбом в снег.

Распахнутой полрой дохи Харп хлестнул по глазам бородача, находившегося от него слева, и одновременно с этим ударил прутом в живот третьего колониста, атаковавшего его по центру. Бородач вытаращил глаза и, согнувшись в поясе, сделал по инерции еще два шага, после чего Харп с разворота стукнул его прутом по затылку.

Развернувшись к последнему остававшемуся на ногах колонисту, Харп едва успел увернуться от удара кулаком в челюсть. Поймав руку бородача за запястье, он дернул ее на себя. Потеряв равновесие, бородач начал заваливаться на бок. Харп ударил его коленом по ребрам, а затем, когда бородач упал, – локтем по затылку.

Быстро оглядевшись, он увидел, что колонист, которого он первым сбил с ног, пытается подняться. Сделав шаг в его сторону, Харп с размаха ударил его кулаком в висок. Не издав ни звука, бородач осел в снег.

Харп сдвинул очки на лоб и поднял лицо к небу. Прикосновение колючих крупинки снега к разгоряченной коже в данный момент было даже приятно. Но расслабляться было рано. Если вся колония представляет собой единый организм, то сейчас каждому в поселке известно о том, что произошло с троицей, вышедшей встретить претендента на роль двадцать четвертого Первого. Сдернув перчатку с левой руки, Харп быстро провел ладонью по влажному лицу и, опустив очки на глаза, посмотрел в сторону поселка. Там происходило именно то, что и следовало ожидать. Из домов выбегали всполошенные люди, на ходу натягивая шапки и запахивая дохи. Пока их было не так много – не более десятка. Наверное, Первый решил бросить против

наглого пришельца только половину оставшихся у него в резерве индивидов. Но, чувствуя, что дело не обойдется душеспасительной беседой, Харп не имел никакого желания встречаться с ними.

Присев на корточки рядом с лежавшим на снегу бородачом, Харп быстро обшарил карманы его дохи. Обнаруженный в левом кармане светящийся цилиндр он кинул в пустой мешок, висевший у него за спиной. Туда же были отправлены шапка и солнцезащитные очки колониста. Расстегнув на бородаче доху, Харп снял с пояса отличный охотничий нож в ножнах.

Перебравшись ко второму противнику, Харп быстро оставил его без шапки, очков и ножа. Кроме того, он нашел в кармане бородача зажигалку с металлическим корпусом и откидывающейся крышкой.

Обыскивая третьего колониста, Харп решил снять с него еще и новенькие полушерстяные перчатки. Сдергивая перчатку с его левой руки, Харп заметил, как на запястье у него что-то блеснуло. Отдернув рукав дохи, он увидел часы с металлическим браслетом.

На такую удачу Харп даже не рассчитывал: три ножа, зажигалка и часы – ради этого стоило сходить познакомиться с людьми из поселка на юге, в который боялись соваться даже «снежные волки».

Снимая часы с руки колониста, он заметил, что к внутренней их поверхности приклеен маленький пластиковый пакетик. Разбираться, что это такое, времени не было. Сунув часы вместе с пакетиком в карман ватных штанов, Харп поднялся на ноги.

Со стороны поселка по направлению к нему уже двигался отряд выстроенных в колонну по два бородачей. Остаться на месте далее было бы чистым самоубийством.

Ножом Харп перерубил ляжки, удерживавшие снегоступы на ногах лежавших на снегу людей, собрал их вместе и, подхватив под мышку, поспешил прочь.

Харп бежал на пределе своих возможностей, но и колонистам упорства было не занимать. Преследуя беглеца, они двигались ровным строем, словно опытные бойцы на марше, и даже как будто дышали в такт. Расстояние, отделявшее Харпа от погони, не увеличивалось, но, по счастью, пока и не сокращалось.

Реально оценивая свои физические возможности, Харп понимал, что, продолжая двигаться в том же темпе, он выбьется из сил, прежде чем доберется до хибары старого Бисауна. Он даже думать боялся, что ждет его, окажись он в руках колонистов. Сейчас встреча со «снежными волками» и суровая разборка, которая непременно должна за ней последовать, представлялась Харпу не в пример предпочтительнее, нежели перспектива стать одним из Первых, чтобы затем, исчерпав запас своих жизненных ресурсов, превратиться в корм для своры безумцев, объединенных общим сознанием, заикленным на идее выживания во что бы то ни стало.

Однако то ли колонисты решили, что не смогут догнать беглеца, то ли в силу особенностей своей коллективной психики они просто не имели возможности слишком далеко отходить от поселка, только примерно через пару километров, оглянувшись в очередной раз назад, Харп обнаружил, что погоня, двигавшаяся по его следам, отстала.

Он остановился, бросил снегоступы, которые держал под мышкой, и наклонился, упершись ладонями в согнутые колени. Сейчас ему больше всего хотелось опуститься на снег, чтобы отдохнуть. Но он помнил слова Марсала, который весьма своевременно предупредил его, к каким неприятным последствиям может привести отдых в снегу после долгой пробежки, когда все тело покрыто испариной и кажется, что никакой мороз тебе не страшен. Переведя дух, Харп выпрямился и плотно запахнул полы дохи. Достав из кармана короткий обрывок веревки, он связал снегоступы, после чего перекинул их через плечо и теперь уже не спеша зашагал по направлению к хибаре старого Бисауна.

Глава 6

Войдя в дом, Харп аккуратно прикрыл за собой дверь тамбура: зная, что такое по-настоящему убийственный холод, в первую очередь начинаешь заботиться о том, как сберечь тепло. Скинув с плеча трофейные снегоступы, он кинул их в угол вместе со своими.

Марсал уже был дома. Сидя за столом рядом со старым Бисауном, он занимался тем, что латал дыру на подкладке дохи.

Не снимая верхней одежды, Харп скинул ботинки, сунул ноги в войлочные тапки, ни на кого не глядя, прошел через всю комнату к теплогенератору и, откинув крышку с бидона, зачерпнул полную кружку талой воды. Пил Харп долго и со вкусом, словно в кружке была не вода, а какой-то удивительный напиток, каждый глоток которого доставлял ему ни с чем не сравнимое наслаждение.

– Откуда это? – указав на сваленные в углу снегоступы, спросил Бисаун.

– От верблюда, – угрюмо буркнул Харп и снова зачерпнул воды.

Марсал непонимающе посмотрел на Бисауна. Старик молча пожал плечами.

Да Харп и сам не знал, что означала фраза, которой он ответил на вопрос старого Бисауна. Просто в нужный момент она сама собой пришла ему в голову.

Напившись, Харп подошел к столу и все так же молча кинул на него свой заплечный мешок.

Посмотрев сначала на мешок, а затем на неподвижно стоявшего у стола Харпа, Марсал в конце концов перевел вопросительный взгляд на Бисауна.

Старик сосредоточенно кашлянул в кулак и, пододвинувшись вместе с табуретом поближе, осторожно, будто опасаясь, что на стол может выпрыгнуть чертик, развязал мешок.

Из-за серого пластикового занавеса выглянула Халана.

– Что скажешь, старик? – усмехнулся Харп, глядя, как все сильнее вытягивались лица Бисауна и Марсала по мере того, как старик извлекал из мешка принесенные вещи.

Выложив на стол последний нож, старый Бисаун поднял на Харпа взгляд, выражавший теперь не просто недоумение, а полнейшее смятение.

– Это еще не все.

Харп сначала выложил на стол часы с браслетом, а под конец достал зажигалку. Откинув металлическую крышку и крутанув рифленое колесико, он с довольной улыбкой посмотрел на выпрыгнувший голубоватый язычок пламени.

– Откуда это? – негромко повторил свой вопрос старый Бисаун.

– Я был в поселке на юге, – небрежно бросил в ответ Харп.

– Ты хочешь сказать, что все это тебе подарили? – недоверчиво посмотрел на Харпа старик.

– Не знал, что у вас здесь принято делать подарки гостям, – насмешливо заметил Харп.

Скинув доху, он достал из-за пояса металлический прут и положил его на стол рядом с тем, что принес.

– Я предложил людям из поселка на юге дать мне что-нибудь в обмен на этот прут, – произнес он с серьезным видом. – Но они оказались настолько любезны, что отдали мне все, что я пожелал, да еще и прута не взяли.

Старый Бисаун откинулся назад, прижался спиной к стене и посмотрел на Харпа так, словно пытался определить, насколько опасен человек, стоявший напротив него.

Широко разведя руки в стороны, Харп положил их ладонями на стол и, наклонившись вперед, с усмешкой посмотрел старику в глаза.

– Ты сумасшедший, – едва слышно произнес старый Бисаун.

– Не более, чем все остальные, живущие в этом мире, – ответил Харп.

Старик натужливо кашлянул в кулак, сделав вид, что только это заставило его опустить взгляд.

– Почему ты ничего не рассказал мне о поселке на юге? – спросил Харп.

Бисаун бросил на Харпа быстрый взгляд исподлобья.

– Потому что мне ничего о нем не известно.

– Да? – Харп недоверчиво прищурился. – Да. – Старый Бисаун взял в руки нож, вынул его из ножен и тронул ногтем лезвие. – Хороший металл, – заметил он, обращаясь к Марсалу.

Старик приложил все усилия, чтобы голос его звучал ровно и без напряжения.

Харп криво усмехнулся и сел на табурет.

– Халана! – негромко позвал он, бросив взгляд в сторону выглядывающей из-за занавеса женщины. – Дай мне что-нибудь поесть.

Халана неторопливо приблизилась, обошла теплогенератор, сняла с полки миску, прикрытую сверху жестяной крышкой, и, подойдя к столу, поставила ее перед Харпом. Сняв с другой полки большую пластиковую бутылку, она вновь подошла к столу, поставила рядом с миской пустую кружку и наполнила ее красноватой, чуть пенной жидкостью из бутылки.

Сделав это, она хотела тотчас же уйти на свою половину комнаты, но Харп успел схватить ее за руку.

– Эниса еще не вернулась? – спросил он, пытаясь заглянуть женщине в глаза.

Старательно отводя взгляд в сторону, Халана отрицательно качнула головой.

– Если тебя не затруднит, пришей мне пуговицы. – Харп взял доху, лежавшую рядом с ним на табурете, и протянул ее женщине.

Халана молча взяла одежду обеими руками, прижала ее к себе и, по-прежнему не говоря ни слова, скрылась за занавесом.

Харп снял крышку. В миске лежало с десятков небольших серых лепешек. Взяв одну, он сложил ее пополам и засунул в рот. На вкус лепешка ничем не отличалась от каши и похлебки из закваски, которые Харп уже успел попробовать. Но, как ни странно, вкус не показался ему приевшимся. Напротив, он даже перестал обращать внимание на то, что еда совершенно несоленая, – теперь ему казалось, что так и нужно.

Съев две лепешки, Харп сделал пару глотков из кружки. Наполнявший ее настой из красницы имел терпкий, чуть кисловатый вкус, показавшийся Харпу смутно знакомым.

Вытерев губы тыльной стороной ладони, он поставил кружку на стол и вновь принялся за лепешки.

– Ты правда принес все это из поселка на юге? – спросил Марсал.

Пережевывая очередную лепешку, Харп коротко кивнул.

– А говорят, оттуда никто не возвращается...

Марсал взял со стола принесенный Харпом нож, наполовину извлек лезвие из ножен, чуть повернув его, посмотрел, как на гладко отполированной стали играет свет лампы, и, будто испугавшись чего-то, снова спрятал обратно.

– В самом поселке я не был, – сказал Харп, сделав большой глоток из кружки. – Но поговорил с некоторыми из его обитателей.

– Сколько человек ты убил? – мрачно осведомился старый Бисаун.

– Надо же! – изумленно вскинул брови Харп. – В тебе внезапно проснулось человеколюбие, старик? Не ты ли сам полдня назад предлагал мне прирезать раненого «снежного волка»?.. Как он, кстати?

– Если речь обо мне, то я пока еще жив.

Харп, развернувшись, посмотрел в сторону, откуда раздался голос. Раненый «снежный волк» лежал на прежнем месте, накрытый по грудь стареньким одеялом. Лицо его было мертвенно-бледным, губы покрывала запекшаяся корка, но взгляд был ясный. Для человека с пропортым животом выглядел он совсем неплохо.

– Не обращай внимания на то, что я сказал, – быстро улыбнулся «снежному волку» Харп. – Это всего лишь шутка.

– Еще бы. – Раненый попытался усмехнуться, однако усмешка его скорее походила на гримасу боли. – Старик знает, что ждет его, если я не выживу.

Улыбка тотчас же исчезла с лица Харпа, словно рисунок мелом, стертый мокрой тряпкой.

– По-моему, ты неверно оцениваешь ситуацию, в которой оказался, – сказав это, Харп чуть прищурил левый глаз – верный признак того, что он уже дал этому человеку собственную оценку.

Раненый попытался приподняться на локте, однако, сморщившись от боли, вновь упал на подушку. И все же у него хватило сил, чтобы произнести негромко, но с вызовом:

– Я – «снежный волк». А ты – всего лишь новичок, не проживший еще и пятидневки. «Снежные волки» уже ищут тебя и, будь уверен, рано или поздно найдут. Так что для тебя же лучше, если ты станешь относиться ко мне с должным уважением.

Усмехнувшись, Харп покачал головой и провел ладонью по щеке, покрытой короткой щетиной.

– Похоже, до тех пор, пока я не обрасту бородой, все так и будут называть меня новичком, – сказал он, обращаясь к Марсалу.

– Отсутствие бороды сразу же бросается в глаза. – Марсал смущенно улыбнулся в ответ.

– Да уж... – Харп провел ладонью по другой щеке. – А что, у вас здесь никто не бреется?

– А зачем? – удивленно пожал плечами Марсал. – Борода защищает лицо от холода...

Да и нечем бриться.

– А жаль, – покачал головой Харп.

– Идиот! – презрительно выплюнул «снежный волк».

– Это первый и последний раз, когда я тебя прощаю, – спокойным, убийственно спокойным голосом произнес Харп. – Если ты произнесешь еще хоть слово, когда тебя не спрашивают, я раскрою тебе череп. Имей в виду, это не пустая угроза: я всегда делаю то, что говорю. Ясно?

Ответ последовал не сразу. Должно быть, «снежному волку», привыкшему к полной безнаказанности, обусловленной той силой в лице остальных членов банды, которая всегда стояла у него за спиной, было не просто поверить, что в мире, который он прежде считал безраздельно своим, появился кто-то, осмелившийся бросить ему вызов. Слова Харпа сами по себе звучали достаточно убедительно. Но больше, чем слова, «снежного волка» напугал взгляд странного новичка. Глаза его были холодными, словно покрытые тонкой, невидимой корочкой льда. Так смотреть мог человек, уже однажды заглянувший за грань и точно знающий, что жизнь и смерть – это одно и то же. Чем можно испугать того, кто не боится смерти?

– Да, – едва слышно произнес «снежный волк».

– Я рад, что мы поняли друг друга.

Харп повернулся к раненому спиной, и в тот же миг взгляд его вновь сделался теплым и живым. Он забыл о лежавшем на полу «снежном волке», будто его вовсе не существовало. Он был уверен, что ему не придется браться за прут, чтобы исполнить свою угрозу. Кроме того, теперь он точно знал, что общество «снежных волков» его нисколько не привлекает. Он по своей природе был одиночкой и не имел привычки бегать в стае. К тому же чем дальше, тем больше Харп убеждался, что в этом мире если на кого и можно полагаться, так только на себя самого.

Взяв со стола часы, он застегнул браслет на левом запястье. Щелкнув зажигалкой, посмотрел, как ровно горит язычок пламени, улыбнулся какой-то своей мысли и, захлопнув крышку, убрал зажигалку в карман штанов. Затем настала очередь перчаток, снятых с одного из колонистов. Харп внимательно осмотрел каждую из пары, прощупал все швы, даже понюхал их изнутри и только после этого сунул за пояс. Так же внимательно рассмотрев солнцезащитные очки, он решил, что они ничуть не лучше его собственных, и снова кинул их в общую кучу.

Заглянув в тарелку с едой, Харп достал последнюю оставшуюся лепешку и сунул ее в рот.
– Это все, что ты хочешь взять себе? – спросил Бисаун, на пару с Марсалом молча наблюдавший за тем, что делает Харп.

Харп от удивления даже перестал жевать. Схватив со стола кружку с настоем красницы, он сделал из нее три больших глотка, проглотив вместе с жидкостью и пищу.

– Я что-то не понял, старик, что ты имеешь в виду?

– Вещи, которые не нужны тебе, переходят в общую собственность.

Сказав это, старый Бисаун выразительно поднял брови, чтобы было ясно, что ему и самому не доставляет никакого удовольствия снова объяснять новичку прописные истины, которые тому следовало бы запомнить с первого раза.

– Старик, – поставив локоть на стол, Харп подался вперед, – свою долю имущества из того, что было при мне, ты уже получил.

– Нет! – протестующе поднял руку Бисаун. – Себе лично я не взял ничего! Все перешло в общую собственность!

– Называй это, как хочешь, – недовольно скривился Харп. – Но из того, что я притащил сегодня, ты не получишь ничего. Я все оставляю себе.

Раскрыв горловину мешка, он начал не спеша складывать в него разложенные на столе вещи.

– Ты имеешь на это право. – Старик позаботился о том, чтобы голос его едва заметно вибрировал от праведного негодования, которое он старательно сдерживал. – Но скажи мне, зачем тебе еще три пары снегоступов? Или три лишние шапки?

Харп рывком затянул мешок и кинул его на свободный табурет.

– Я в вашем мире недавно, – сказал он, посмотрев на Бисауна. – Но уже успел заметить, что здесь любая железка или даже обрывок веревки имеют свою цену. А уж новые снегоступы, шапку, нож или солнцезащитные очки я всегда сумею обменять на что-нибудь дельное. А может... – Харп с насмешкой глянул на раненого, молча наблюдавшего за всем происходящим. – Может, откуплюсь этим добром от «снежных волков», когда они явятся сюда.

Раненый «снежный волк» только плотнее сжал губы, но, не поддаваясь на явную провокацию, не произнес ни слова.

Старый Бисаун только молча пожал плечами, давая понять, что не намерен каким-либо образом комментировать подобное заявление.

– Вот, возьми. – Марсал почти с испугом протянул Харпу один из принесенных им ножей, который он все это время машинально вертел в руках.

– Оставь себе, – махнул рукой Харп.

– Спасибо, – растерянно ответил Марсал и посмотрел на нож так, словно не знал, что с ним делать.

– Он тебе не нравится? – удивленно приподнял бровь Харп.

– Нет, что ты, нож отличный! – поспешил заверить Марсал. – Только...

Марсал умолк, не зная, как закончить начатую фразу.

– Марсал хочет сказать, что, даже если он оставит нож себе, его при первой же встрече отберут «снежные волки», – помог ему старый Бисаун.

– Марсал! – Харп с недоумением посмотрел на своего собеседника. – Ты же мужчина!

– Ну да... – как-то не очень уверенно согласился с таким утверждением Марсал.

– Никто не может отобрать у мужчины оружие до тех пор, пока он способен держать его в руке.

Харп и сам не знал, откуда взялась произнесенная им фраза. То, что она принадлежала не ему, – это точно. И совершенно никаких сомнений не вызывало у Харпа то, что она несколько не соответствовала его собственной жизненной философии. Способность находить компромиссы Харп считал не менее, а может, и куда более важным достоинством разумного человека,

чем умение защищать себя с помощью оружия. Он полагал, что два здравомыслящих человека, насколько бы сильно ни расходились их позиции по обсуждаемому вопросу, всегда способны найти взаимоприемлемое решение. Оружие же как последний довод необходимо только в том случае, когда приходится вести диалог с самодовольным болваном, не способным воспринимать другие аргументы. Должно быть, Харп где-то слышал фразу об оружии в руках мужчины или прочитал ее в своей прошлой жизни. Сейчас же он произнес ее лишь потому, что решил: именно нечто подобное, глубокомысленно-возвышенное, явно родившееся не в этом мире, где господствуют беспринципность и утилитарный рационализм самого низкого пошиба, может заставить Марсала поверить в себя и вернуть ему присутствие духа, которое он, судя по всему, давно потерял.

Однако первой реакцией на слова Харпа стал тихий смешок, раздавшийся из угла, где лежал раненый «снежный волк».

Харп взял со стола какую-то замызганную тряпку и, не глядя, кинул ее в ту сторону, откуда послышался не понравившийся ему звук. Тряпка угодила точно в лицо «снежному волку», который тут же отшвырнул ее в сторону и, пронзив спину Харпа ненавидящим взглядом, принялся отплевываться и обтирать губы тыльной стороной ладони.

Старый Бисаун поставил руки локтями на стол и возложил подбородок на переплетенные пальцы. Брови его были сосредоточенно сдвинуты, а взгляд устремлен на ровную темно-коричневую поверхность стола, будто он пытался прочесть на ней какие-то загадочные, видимые только ему письмена. Однако на губах старика при этом лежала легкая тень усмешки, которая, по замыслу Бисауна, должна была выражать все, что он думал по поводу сказанного Харпом.

Марсал посмотрел сначала на «снежного волка», затем на старого Бисауна, никак не отреагировавшего на его взгляд.

Опустив глаза, Марсал вновь извлек лезвие из ножен. На лице его, сменяя друг друга, с молниеносной быстротой промелькнуло несколько совершенно разных оттенков чувств: сначала растерянность, затем недоумение, быстро превратившееся в сомнение, и, наконец, страх, не имевший никакой конкретной причины, спровоцированный лишь тем, что Марсал понял: сейчас ему предстояло принять решение, которое могло изменить всю его жизнь. И сделать это он должен сам, поскольку никто из присутствующих не выражал намерения помочь: у каждого были свои причины оставить Марсала в этот момент наедине с самим собой.

Когда Марсал ударом ладони по рукоятке загнал нож в ножны, Харп готов был признать, что проиграл: сейчас Марсал положит нож на стол и скажет, что отказывается от такого подарка.

Марсал искоса глянул на старого Бисауна, и тот едва заметно наклонил голову, давая понять, что одобряет принятое решение.

Марсал чуть повернул голову и встретился взглядом с Харпом.

– Спасибо, – сказал он. – Я думаю, нож мне пригодится.

Старый Бисаун с досады разве что кулаком по столу не стукнул. Вскочив с табурета, он затопал к бидону с водой, шаркая задниками тапок. Пить ему не хотелось, но он не мог просто так сидеть и смотреть куда-то в сторону, когда Харп буквально всем своим видом демонстрировал хозяину дома свое превосходство.

Пока старый Бисаун, стоя возле теплогенератора, не спеша пил воду, которая, как ему казалось, отдавала сегодня каким-то на редкость неприятным металлическим привкусом, Марсал распустил пояс, поддерживающий ватные штаны, и продел его через петлю на ножнах подаренного Харпом ножа. Снова застегнув ремень, он встал и, поправив ножны, попробовал, легко ли выходит из них нож. Это получилось у него не очень ловко, но Марсал остался вполне доволен результатом.

– Послушай-ка, – обратился к нему Харп, – а кроме людей, в этот мир никто больше не является?

– Ну, вещи еще разные, – Марсал указал на вещевой мешок Харпа, стоявший на соседнем табурете. – Бывает, правда, очень редко, что появляется только один мешок с вещами, без человека.

– А животные какие-нибудь? Или птицы?

– Я сам ни одного зверя, кроме снежных червей, в этом мире не встречал, – покачал головой Марсал. – Но, говорят, порою так же, как новички, появляется невесть откуда всякая мелкая живность.

– Куры, индейки, кролики, – добавил вернувшийся к столу Бисаун. – Пару раз были собаки и один раз – кошка.

– Ты сам их видел? – посмотрел на старика Харп.

– Сам я видел только кроликов, – ответил Бисаун, с достоинством присаживаясь на свое место. – Микато – его хибара стоит здесь, неподалеку – как-то раз, года два назад, после вспышки, извещающей о прибытии новичка, нашел на указанном месте мешок с тремя кроликами, двое из которых оказались самками. Чудные, скажу я тебе, зверьки: белые такие, пушистые, с длинными ушами. Микато отгородил для них место в углу своей хибары и стал кормить сушеной закваской. Плодиться эти кролики начали с невероятной быстротой. Спустя пятидневку у него уже было штук двадцать маленьких крольчат.

– И что же с ними стало потом?

– Как что? – с показным удивлением старик глянул на Харпа. – Пришли «снежные волки» и всех забрали.

– Сами решили разводить?

– Сожрали! – Старик бросил презрительный взгляд на лежавшего на полу «снежного волка», внимательно прислушивающегося к разговору за столом. – Микато уверял, что, если бы они подождали еще хотя бы пару пятидневок, он мог бы обеспечивать крольчатинной не только «снежных волков», но и всех, кто живет поблизости. Я слышал, что и куры едят сушеную закваску и разводить их несложно. Но «снежные волки» о завтрашнем дне не думают – им главное сегодня чем-то брюхо набить. Вот они и съедают всю живность, что попадает сюда, не давая ей возможности расплодиться.

– Аргумент не в твою пользу, – оглянувшись на «снежного волка», заметил Харп.

– Ты хочешь, чтобы я тебе что-нибудь на это ответил? – презрительно скривился раненый.

– Если у тебя есть что сказать...

– Пошел ты...

– Ну что ж, по крайней мере откровенно и от души, – сказал Харп и снова повернулся к «снежному волку» спиной.

– Теперь-то ты понимаешь, что я был прав? – с надеждой посмотрел на Харпа старый Бисаун.

– О чем ты, старик? – Харп ответил ему удивленным взглядом.

Старик беззвучно шевельнул губами и указал взглядом в сторону «снежного волка».

– Нет, старик, – покачал головой Харп. – Это твоя проблема. И как ты ее намерен решать, меня совершенно не интересует.

– Это такая же моя проблема, как и твоя, – зло бросил старый Бисаун. – Когда сюда придут «снежные волки», ты заговоришь по-иному.

– Старик, – Харп с тоской посмотрел на Бисауна, – твоя главная ошибка заключается в том, что ты так и не понял, что я не собираюсь оставаться здесь навсегда. Мне неприятен этот дом и тот порядок, который ты в нем установил. Мне противен даже запах, который я вдыхаю, входя сюда. Вы можете жить, как хотите, – я никого не собираюсь ни к чему принуждать, – но сам я скоро уйду.

– Интересно, куда же ты собираешься идти? – ехидно усмехнулся Бисаун. – В поселке на юге ты уже побывал, и, похоже, там тебе не понравилось. «Снежные волки» тебе тоже не по душе. Что дальше? Ты намерен основать собственный поселок? Или собственную банду?

– Как долго ты живешь в этом мире, старик? – Харп то ли с интересом, то ли просто с жалостью посмотрел на Бисауна.

– Достаточно долго для того, чтобы понять: тот, кто сюда попал, останется здесь навсегда, – с открытым вызовом сказал Бисаун. – Я не могу объяснить, что представляет собой мир вечных снегов, и не знаю, почему и каким образом сюда попадают люди. Но, поверь мне, выхода отсюда нет. Просто кто-то или что-то дает нам еще один шанс. Может, мы должны исправить что-то, что совершили в прошлой жизни, а может, просто нам нужно о чем-то забыть. Как бы там ни было, то, что сейчас с нами происходит, это жизнь. Мне уже много лет – по сравнению с тобой или Марсалом я просто старик, – и я не знаю, за что или благодаря чему я попал сюда. Я почти не помню своей прошлой жизни. Но я точно знаю, что в тот момент, когда я пришел в себя, лежа на снегу, мне были предложены новые правила игры. Кто, зачем и ради чего это сделал – об этом я спрашивал себя только первую пятидневку, до тех пор, пока не понял, что должен возрадоваться уже хотя бы тому, что жив. Моя собственная жизнь является для меня величайшей ценностью в этом мире. И если я хочу выжить, я должен играть по тем правилам, которые мне предложены. Вот и вся мудрость, Харп. То, что с тобой происходит, это не сон и не бредовое видение. Все, что от тебя требуется, это только принять этот мир таким, какой он есть, и понять, что ты здесь навсегда.

– Ты красиво говоришь, старик. – Харп смотрел на Бисауна скорее с сожалением, чем с осуждением. – Но ты не можешь или не хочешь понять, что ты просто доживаешь свою жизнь, а мне ее только еще предстоит прожить. Ты хочешь обеспечить себе спокойную и по возможности сытую старость, и в этом я тебя не могу винить. Но посмотри, что происходит вокруг тебя. Посмотри, во что превратили этот мир ваша рабская покорность и желание выжить любой ценой. Если бы я был проповедником, то начал бы взывать к тому светлomu, что, может, еще сохранилось в душах тех, кто уже смирился и ни во что ни верит. Если бы я был героем, то, не раздумывая, бросился бы в бой, отстаивая те идеалы, которые мне самому кажутся единственно правильными. Но все это не по мне, старик. Поэтому я просто хочу уйти.

– Интересно куда? – спросил старый Бисаун.

И, как ни странно, лицо его в этот момент оставалось удивительно серьезным. Он смотрел на Харпа так, будто видел в нем самого себя, только лет на тридцать моложе и куда более безрассудного.

– Ну, например, за горы, те, что на западе, – ответил Харп таким тоном, словно ему предстояло просто выйти за дверь, добежать до ближайшего сугроба, оставить там свою отметку и тут же вернуться назад.

– А почему именно туда? – без особого интереса, вроде только ради поддержания разговора, осведомился Бисаун.

– Ну, хотя бы потому, что туда, как я слышал, собирался идти Татаун. – Харп наклонил голову к плечу и посмотрел на Бисауна долгим испытующим взглядом. – Ты жил вместе с ним, старик. Скажи, Татаун был в своем уме? Он понимал, что затевает?

– Это несерьезно, – пренебрежительно поморщился старый Бисаун. – Татаун был мастак на всякие выдумки... Да хоть у Марсала спроси!..

– Татаун точно знал, что за западными горами живут люди.

Трое мужчин одновременно обернулись на голос.

Халана стояла рядом с серым пластиковым занавесом, придерживая его рукой. Казалось, только это ненадежная опора не дает ей упасть.

– Женщина не в своем уме.

Старый Бисаун посмотрел на Халану и сделал быстрый жест рукой, который можно было истолковать двояко: и как небрежный взмах, за которым не стояло ничего, помимо пренебрежительного отношения к женщине, и как приказ Халане вернуться на отведенное ей место.

– Не так давно ее муж без вести пропал, – добавил старик доверительным тоном, обращаясь персонально к Харпу.

Харп словно и не услышал того, что говорил ему Бисаун.

– Говори, Халана, – сказал он, обращаясь к женщине.

Халана подняла руку и ухватилась за воротник своей рубашки так, словно ей не хватало воздуха и она собиралась рвануть ворот, чтобы вздохнуть наконец полной грудью. Но вместо этого она заговорила, глядя не на Харпа, а куда-то в сторону входной двери. Она говорила прерывисто, то и дело останавливаясь, чтобы сделать глубокий вдох:

– Это случилось почти год назад... Татаун, как обычно, пошел, чтобы проверить старые лазы снежных червей и, может, собрать в них красницы... Он нашел человека... На нем была такая же одежда, как у нас, но он не был новичком... Татаун рассказывал, что у него была длинная борода... Человек был сильно обморожен... Татаун сказал, что у него не было ни единого шанса остаться в живых... Но он успел сказать, что пришел из-за гор... Именно после этого Татаун и стал думать о том, как бы добраться туда...

Во взгляде Халаны, который она бросила на старого Бисауна, внезапно блеснула ненависть, способная если не испепелить, то хотя бы обжечь.

– И тебе известно об этом! – почти прокричала женщина.

– Ну и что с того? – с безразличным видом старик пожал плечами. – Татаун нашел в снегах какого-то чудака, который, подвинувшись рассудком, выдавал себя за человека, пришедшего из-за гор. Я ему сказал то же самое, когда он поведал мне эту историю.

– Не валяй дурака, старик, – неожиданно для всех подал голос «снежный волк». – В ближайших окрестностях все знают друг друга в лицо. Если Татаун встретил в снегах незнакомца, это был либо новичок, либо...

– Он не был новичком! – снова подала голос Халана.

– Хорошо. – Старый Бисаун поднял руки с раскрытыми ладонями, давая понять, что готов признать все, даже самые глупые аргументы, приводимые его оппонентами. – Допустим, все было именно так, как вам хочется: Татаун нашел человека, пришедшего из-за гор. Но этот человек умер. – Старик внезапно подался вперед, словно вдруг захотел узнать, какого цвета глаза у сидевшего напротив него Харпа. – Ты хочешь того же? Умереть в пути? Замерзнуть в снегах? – Бисаун с удивленным видом раскинул руки в стороны. – Стоит ли ради этого куда-то идти? Мы живем в мире вечных снегов, и погибнуть от холода здесь можно где угодно!

– Но ведь человек из-за гор зачем-то шел сюда, – тихо, словно речь шла о чем-то очень личном, произнес Харп.

– Если только Татаун не придумал все это, – откинувшись назад, самодовольно усмехнулся старый Бисаун. – Кто еще, кроме него, видел странного незнакомца? Когда мы пришли на то место, где, по словам Татауна, должно было лежать его тело, мы ничего не нашли!

Старик вскинул руки, будто хотел показать, что он честный игрок и у него в рукавах не припрятаны крапленые карты.

– Татаун говорил правду! – Халана вышла вперед своей чудной угловатой походкой и положила на стол измятый и замызганный клочок какого-то странного вида материала. – Это передал ему человек из-за гор.

Рука старого Бисауна метнулась к обрывку, что положила на стол Халана, но Харп успел первым схватить его.

– Ты говорил, что не знаешь, что такое бумага, – посмотрел он на старика.

– И что с того? – повел плечами Бисаун, будто стараясь тем самым отогнать от себя всякие подозрения.

– Это бумага. – Харп положил на стол измятый кусочек. – Страница из книги.

– Отлично! – насмешливо всплеснул руками старик. – Теперь у нас есть бумага! Что дальше?

Харп оставил вопрос старика без внимания. Прижав обрывок бумаги к столу, он осторожно разгладил его. На клочке можно было рассмотреть фрагмент рисунка, выполненного тонкими черными линиями: человеческий скелет с оскаленными зубами сидел верхом на скачущей вперед страшно изможденной лошади, которая и сама была похожа на обтянутый кожей скелет.

– Что это значит? – тихо спросил у Харпа Марсал, наклонившийся вперед, чтобы тоже взглянуть на рисунок.

– Не знаю, – покачал головой Харп. – Но этот рисунок служит подтверждением того, что за западными горами живут люди.

– Или предостережением тому, кто решится туда отправиться, – добавил старый Бисаун. – Этот всадник не похож на радушного хозяина, готовящегося к встрече гостей.

Харп вновь проигнорировал замечание старика.

– Ты говорил, что у Татауна была какая-то идея относительно того, как можно добраться до западных гор, – напомнил он Марсалу.

– Бредовая идея, – усмехнулся в бороду Бисаун.

– Для этого Татаун хотел воспользоваться слизью, которую выделяют снежные черви, – сказал, старательно глядя только на Харпа, Марсал. – Слизистые выделения помогают снежному червю выжить под снегом и льдом. Татуан полагал, что если тело человека покрыть слизью снежного червя, это и ему поможет пережить самый жесточайший холод.

– Архибред! – еще громче и решительнее заявил о своем присутствии старый Бисаун. – Снежным червям удастся выжить подо льдом, потому что они постоянно находятся в движении и за счет этого их тела саморазогреваются!

– Я находил остатки слизи в лазах снежных червей. – Марсал посмотрел на старика и, сделав глубокий вдох, продолжил: – Если измазать слизью ладонь и прижать ее ко льду, то даже не почувствуешь холода.

Старый Бисаун пренебрежительно махнул рукой и отвернулся в сторону, всем своим видом показывая, что считает ниже своего достоинства как-либо комментировать подобные измышления. Однако поза эта далась старику не без труда: за все то время, что Марсал прожил в его доме, это был первый случай, когда он решился открыто вступить в спор со старым Бисауном, которого считал своим покровителем.

– Это правда! – Марсал развернулся в сторону Харпа, клятвенно прижимая руку к груди. – Я сам пробовал!

– А почему ты считаешь, что я не верю тебе? – удивленно приподнял левую бровь Харп.

Марсал смущенно опустил взгляд. Пальцы его прижатой к груди руки суетно забегали по рубашке, словно ему вдруг срочно потребовалось проверить, все ли пуговицы на месте.

– Как долго слизь снежного червя сохраняет свои теплоизоляционные свойства? – спросил Харп.

– Этого я не знаю, – быстро качнул головой Марсал. – Татаун собирался все как следует проверить, но...

Харп понимающе наклонил голову.

– Слизь можно собрать в лазах? – задал он новый вопрос.

– Нет, в лазах ее остается очень мало, – ответил Марсал. – Хватит разве что руки намазать.

– Тогда как же достать слизь в достаточном количестве?

– Единственная возможность – это снять слизь с тела снежного червя. Татаун считал, что все тело червя покрыто плотным слоем слизи.

Тут уж старый Бисаун, не выдержав, рассмеялся и даже в запале хлопнул пару раз ладонью по столу.

– В чем дело? – Харп недоумевающе посмотрел на него.

– Извини, но это действительно очень смешно. – Старик согнутым пальцем вытер выступившие в уголках глаз слезы. – Я просто представил себе, как вы с Марсалом станете счищать слизь со снежного червя...

Старый Бисаун снова сдавленно хохотнул.

– И что здесь смешного? – недовольно сдвинул брови Харп.

– Ты хотя бы представляешь себе, что такое снежный червь? – спросил у него Бисаун, внезапно перестав смеяться.

– Я видел лаз снежного червя и могу представить его размеры.

– И только-то. – Старик усмехнулся и покачал головой. – Снежный червь – это живой снаряд весом, в зависимости от возраста, от трехсот килограммов до трех тонн, способный с легкостью пробивать глыбы слежавшегося снега и льда. Харп, я готов поверить в то, что смелости и дерзости тебе не занимать. Я готов даже на время отложить спор о том, обладает ли слизь, покрывающая тело червя, какими-то совершенно фантастическими, на мой взгляд, теплоизоляционными свойствами. Но скажи на милость, Харп, каким образом ты собираешься счистить со снежного червя эту самую слизь?

Харп, ни секунды не сомневаясь, переадресовал вопрос старого Бисауна Марсалу:

– У нас имеется ответ на этот вопрос?

Марсал шмыгнул носом.

– Для этого нужно убить червя, – сказал он, ни на кого не глядя.

– Такой ответ тебя устраивает? – обратился Харп к старику.

Старик положил локоть на стол и подался вперед, сократив расстояние между собой и Харпом до полуметра.

– За все годы, что я живу в этом мире, – негромко и проникновенно произнес он, – я не слышал, чтобы кому-то удалось убить снежного червя.

Харп, в свою очередь, повторил движение старика, и теперь их лица разделяли всего несколько сантиметров.

– А кто-нибудь пытался это сделать? – спросил он так же тихо.

Старый Бисаун резко откинулся назад.

– Только сумасшедшему может прийти в голову идея убить снежного червя.

– Более веских аргументов у тебя, естественно, нет, – усмехнулся Харп.

– Я не собираюсь уговаривать тебя не совершать самоубийства, – презрительно поморщился старик.

– Что скажешь, Марсал? – обратился к вновь притихшему собеседнику Харп. – Есть у меня шанс завалить снежного червя и остаться при этом живым?

– Татаун считал, что небольшого снежного червя, длиной около трех метров, убить можно. – Марсал вновь сослался на мнение своего погибшего друга. – Но для этого потребуются как минимум двое человек. – Марсал поднял голову и, пожалуй, впервые прямо посмотрел в глаза Харпу. – Я готов помочь тебе, но только в том случае, если ты возьмешь меня с собой, когда отправишься к западным горам.

– Еще один ненормальный, – презрительно фыркнул старый Бисаун.

– Не обращай внимания на ворчание старика. – Харп заговорщицки подмигнул Марсалу. – Он просто завидует нам.

Глава 7

Поздно вечером, когда мужчины уже садились за стол, чтобы по второму разу отужинать кашей из закваски, домой вернулась Эниса. Ни на кого не глядя, она кинула в угол снегоступы, повесила доху на гвоздь и, ни слова не говоря, прошла за занавес.

Старый Бисаун и Марсал продолжали есть, не обращая никакого внимания на происходящее, как будто Эниса вышла из дома всего полчаса назад по какому-то своему делу.

Харп вначале едва не пришел в бешенство от такого демонстративного равнодушия. Но, как следует все обдумав, решил, что на этот раз старик с Марсалом выбрали верную линию поведения: излишнее внимание могло только больше ранить Энису.

Закончив есть, Бисаун подошел к «снежному волку», чтобы осмотреть рану и сменить повязку. Халана принялась мыть посуду. Марсал с Харпом начали расстилать на полу матрасы, готовясь лечь спать.

Неожиданно, отдернув пластиковый занавес, в комнату вошла Эниса. Волосы ее были гладко зачесаны назад и завязаны на затылке узлом. На лице застыло выражение полнейшего безразличия ко всему, что уже случилось и что еще может произойти. Когда же Эниса подошла к Харпу и взгляды их пересеклись, он увидел в глазах женщины такую темную бездну, что невольно поежился, почувствовав, как холодный озноб пробежал сверху вниз по позвоночнику.

– Халана сказала, что вы с Марсалом собираетесь убить снежного червя.

Это был не вопрос, поэтому Харп не стал ничего отвечать, ожидая продолжения.

– Я пойду на охоту вместе с вами, – сказала после короткой паузы Эниса.

Харп лишь молча развел руками.

А что, собственно, он мог ответить?

Да Эниса и не ждала никакого ответа. Поставив Харпа в известность о принятом решении, женщина повернулась к нему спиной и снова скрылась на своей половине комнаты за серым пластиковым занавесом.

Харп не помнил, сколько длился день там, где он жил прежде, но сутки, тянувшиеся в мире вечных снегов ровно сто двадцать часов, казались ему непомерно долгими. Должно быть, именно поэтому ему не сразу удалось привыкнуть к странному распорядку дня, установленному в доме старого Бисауна. Первый раз здесь ложились спать незадолго до полудня. Второй раз – на закате. И третий раз – уже на исходе ночи, длившейся сорок восемь часов.

Середину ночи Харп и Марсал посвятили обсуждению деталей предстоящей охоты. Услышав, о чем идет речь, к ним присоединилась Эниса. Женщина не задавала никаких вопросов и не делала никаких замечаний – она просто сидела, подперев щеку кулаком, и внимательно слушала.

Старый Бисаун сидел в стороне от всех, поставив на низенькую тумбочку свою коробку с лекарствами и делая вид, что всецело поглощен их сортировкой. Однако это занятие не мешало ему внимательно прислушиваться ко всему, о чем говорили за столом. Но, как и Эниса, за время разговора старик не проронил ни слова и никаким другим образом не выразил своего отношения к затее, которую называл не иначе как полнейшим безрассудством. Больше всего Бисауну не нравилось то, что Харп увлек своим безумным проектом Марсала с Энисой. У старика не вызывало ни малейшего сомнения, что попытка убить снежного червя не может закончиться успехом. А неудача в подобном предприятии означала только смерть для тех, кто решился в нем поучаствовать. И хорошо, если хоть кто-то из троицы, увлеченно обсуждавшей сейчас детали охоты на обитающего в толще снегов монстра, сам это поймет. В противном случае старый Бисаун может остаться в своей хибаре вдвоем с Халаной. Тогда о том, чтобы полакомиться красницей или как-либо иначе разнообразить скудное меню, придется забыть. Да и

повседневная работа по дому будет занимать все свободное время, не оставляя даже минутки для вдумчивого, неспешного размышления о тщете всего сущего.

Раненый «снежный волк», судя по саркастической усмешке, застывшей на его губах, тоже весьма скептически относился к затее Харпа. Однако, помня о взгляде, которым тот не так давно одарил его, он предпочитал до поры до времени держать свое мнение при себе, надеясь, что ему еще представится возможность поквитаться с не в меру самоуверенным новичком. Если, конечно, его до того не сожрет снежный червь.

У Харпа же, похоже, не было никаких сомнений в успехе задуманного. Внимательно слушая все, что говорил Марсал, он то и дело вставлял собственные замечания, задавал уточняющие вопросы или азартно хлопал ладонью по столу, когда сказанное Марсалом представлялось ему особенно важным для предстоящего дела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.